Зверолов

Автор:
Александр Рудазов

Зверолов

Александр Рудазов

Люди всегда надеялись, что не одиноки во Вселенной. Надеялись, что на далеких звездах встретят братьев по разуму или хотя бы просто живых существ. В один прекрасный деньони их встретили. И не одного, не двух – безмерное многообразие жизненных форм. Сотни живых планет, флора и фауна которых не уступает нашей Земле. И чтобы все желающие смогли ознакомиться хотя бы с частицей этого богатства, были созданы космические зоопарки.

Профессию героя этой книги не назовешь обычной или скучной. По долгу службы ему приходится летать на далекие планеты и сталкиваться с самыми невообразимыми существами. Десятки и сотни световых лет приходится преодолевать ради того, чтобы поймать и привезти на Венеру такое животное, которое туда еще никто не привозил. Чтобы еще немного увеличить коллекцию крупнейшего в Солнечной Системе зоопарка и еще немного обогатить человеческие знания о Вселенной и тех, кто в ней обитает.

Его зовут Маартен Троост, и он космический зверолов.

Александр Рудазов

Зверолов

История первая

Правила охоты

«Нимрод» вышел из гиперпространства 24.10.65, 14:53 UT. Маартен Троост в этот момент сидел в рубке и играл с корабельным мозгом в го.

Пак Ён просто обожал эту игру. При биожизни он дважды участвовал в чемпионате мира среди любителей, хотя и не занял высоких мест. Эта любовь сохранилась в нем и после киборгизации.

– Подлетаем к Килиме, – между делом сообщил Пак. – Приземление через четыре часа.

Троост коснулся гобана. Черный камень возник в его пальцах и остался на пересечении линий. И гобан, и камни были допреальными, но очень правдоподобными. Они отчасти обманывали даже чувство осязания, хотя Троост и понимал, что это всего лишь изображения на визоре.

– Атари, – ехидно произнес корабельный мозг.

Троост задумался над следующим ходом. Трудная позиция. Допреальный двойник Пака, сидящий напротив, злорадно ухмылялся. Он выглядел точно так же, как при биожизни – крошечного роста престарелый монголоид, без единой волосинки на голове и покрытый морщинами, как печеное яблоко. Пак прошел киборгизацию в двести пять лет, глубоким стариком.

Средняя продолжительность жизни в двадцать пятом веке составляет двести десять лет. Замедляющие старение препараты, косметологическая хирургия, клонирование и пересадка органов или даже смена всего тела, киберимпланты и биомодификанты – все это позволило удлинить естественный человеческий срок почти втрое.

Большего пока добиться не удается, поскольку мозг тоже стареет, а это единственный орган, который невозможно заменить. Однако еще в начале прошлого века был найден способ значительно замедлить его старение – правда, для этого приходится расстаться с человеческим телом.

Сейчас Паку уже почти триста лет, но его мозг находится в высокотехнологичном контейнере жизнеобеспечения размером с небольшую комнатку. Гулять по улицам в подобном ящике трудновато, поэтому подобные ему «бессмертные» либо ведут жизнь отшельников, ограничиваясь Инфранетом и допреальностью, либо становятся координирующими интеллектами звездолетов, технокомплексов или орбитальных станций.

Пак Ён выбрал второе.

При биожизни он был выдающимся пилотом-навигатором – остался им и после киборгизации. Ему доверили «Ной» – самый первый специализированный корабль-зверолов. А двадцать лет назад, когда сильно устаревший «Ной» ушел на слом, Пака перевели на только что сошедший со стапелей «Нимрод». Тогда же его капитаном и стал Маартен Троост – штатный зверолов Венерианского зоопарка.

– Сдаюсь, – вздохнул Троост, кланяясь противнику.

– Спасибо за игру, – поклонился в ответ Пак.

Гобан и камни какой-то миг померцали и исчезли. Исчез и допреальный Пак. Троост же повернул кресло к видеокну, показывающему открытый космос точно таким, какой он сейчас перед «Нимродом».

В правом верхнем углу пылала Звезда Ломоносова – желто-белый карлик класса F8. Чуть поодаль белел перечеркнутый кружочек – Блёуэнплан, газовый гигант, втрое больше Юпитера.

Однако курс «Нимрода» лежал дальше, к пока еще не видной невооруженным глазом Килиме, четвертой планете системы. Тридцать пять световых лет от Земли, почти шесть суток в гиперпространстве – и вот Троост у цели. Очередная его экспедиция по сбору животных для Венерианского зоопарка.

Маартен Троост уже сбился со счету, сколько всего совершил таких экспедиций. Не меньше сорока, пожалуй. Он начинал в Керкирском зоопарке, а после его закрытия перешел в Венерианский. И все же каждая новая экспедиция, каждая новая планета – это удивительное, ни с чем не сравнимое чувство. Ощущаешь себя Колумбом, Армстронгом, Щербачевым!

За минувшие двести лет люди открыли примерно тысячу звездных систем. И более чем на двухстах планетах была найдена жизнь. Истинное раздолье для натуралиста! Словно бесконечный рог изобилия – все новые и новые планеты, все новые и новые формы жизни! Уникальные, интереснейшие, самые невероятные!

Увы, миров с разумной жизнью было найдено гораздо меньше. Всего лишь шестнадцать. Причем пятнадцать из них населены первобытными существами. Звериные шкуры, палки-копалки и каменные топоры. В лучшем случае медные. Даже Иннаа, единственная цивилизация, которую с натяжкой можно назвать развитой, технически соответствует веку восемнадцатому, не более. Пройдет еще не одно столетие, прежде чем они выйдут в космос.

Конечно, в этом нет ничего удивительного. История человечества – это ведь тоже на девяносто девять процентов охота, собирательство и наскальная живопись. Каменный век закончился каких-то восемь, от силы девять тысяч лет назад – сущая ерунда по геологическим меркам.

Практической пользы от этих контактов не было. Торговать с дикарями просто нечем – если не считать всяких поделок и сувениров, у них нет ничего ценного. На их планетах встречаются кое-какие полезные ресурсы, но их гораздо проще и выгоднее добывать на астероидах.

К тому же на Земле уже больше ста лет действует закон, согласно которому ни на одной живой планете не может быть размещено никакое производство без специальной правительственной санкции. Предполагается, что такую санкцию могут выдать, если где-нибудь будет обнаружено нечто уникальное, очень ценное и при этом отсутствующее на всех остальных планетах. Какой-нибудь сверхредкий минерал. Но пока что ничего такого ни разу не находили.

Выйдя на орбиту, Троост связался с планетарным лесничеством. Единственное здание на Килиме. Такие построены на всех живых планетах – в качестве наблюдательных пунктов.

– Говорит «Нимрод», корабль-зверолов Венерианского зоопарка, пятеро человек экипажа, – сказал Троост. – Прошу разрешения на посадку.

– Слышу вас, «Нимрод», – донеслось из динамика. – Посадку разрешаю. Канал связи открыт – синхронизируйтесь.

Троост так и сделал. Локальные сети корабля и лесничества слились в единое целое, позволяя обмениваться данными.

Всю Солнечную Систему окутывает Инфранет – бездна информации, накопленной человечеством. К сожалению, дальше она не простирается – слишком уж велики расстояния между звездами. Поэтому на звездолетах и звездных колониях собственные инфосети, локальные.

Совершив два витка вокруг планеты, Троост направил «Нимрод» на посадку. К малому материку, разумеется. На Килиме их всего два – большой, в полтора раза крупнее Евразии, расположен в полярной зоне и не очень-то богат живностью. Тундра, тайга и холодные степи вдоль побережья. Зато малый изборожден горными цепями, между которыми колышутся кишащие зверьем тропические леса. Девяносто процентов сухопутной фауны Килимы обитает на малом материке.

Для основной базы Троост облюбовал равнину близ устья мелководной реки на западе материка. Южнее возвышаются небольшие глыбовые горы, а севернее – влажный вечнозеленый лес. До лесничества около двух тысяч километров – не слишком близко и не слишком далеко.

Корабль приземлился очень мягко, почти неощутимо. Включилось антигравитационное поле, вибрирующие диски чуть слышно коснулись земли и погрузились в нее на несколько миллиметров. После этого «Нимрод» затих.

Троост уже ждал у шлюза. Облаченный в повседневный желтый комбинезон, высокий, грузный, с объемистым животом, копной каштановых волос, пышной бородой и лучистыми голубыми глазами. В свои восемьдесят три года Маартен Троост мог считаться человеком средних лет, но выглядел моложе – спасибо биотехнологиям и здоровому образу жизни.

Как только зверолов вошел в шлюз, автоматически включился антибактериальный душ. Взвесь крошечных капель окутала Трооста, уничтожая все земные микроорганизмы, которые он мог бы занести на Килиму.

Еще ни разу не случалось такого, чтобы землянин подхватил инопланетный вирус или сам стал источником заразы для инопланетян. Ведь каков бы ни был вирус, он инфицирует лишь определенные типы клеток. Одни поражают какой-то конкретный их вид, другие – группу видов, третьи вообще работают в широком диапазоне, но для всех них инопланетные формы жизни – нечто чуждое, непонятное и безусловно несъедобное.

Однако в один прекрасный день из этого правила может обнаружиться исключение. Да и болезни переносятся не только вирусами – существуют грибы, простейшие…

Так что технику безопасности отменять никто не собирается.

Комбинезон высох в течение десяти секунд. «Умная» ткань, из которой он состоит, самоочищается от всех посторонних веществ и даже способна восстанавливать поврежденные участки. Кроме того, комбинезон оснащен сапогами на гравитационной подошве, ИГ-поясом, климат-контролером и силоэкранным шлем-воротником, а также может выполнять функции гидрокостюма и даже легкого скафандра.

Но на Килиме это не требуется. Воздух пригоден для человека, поэтому не нужен ни скафандр, ни даже маска. Однако атмосфера все же отличается от земной – слишком много аргона, углекислота тоже повышенная.

В такой атмосфере рекомендуется использовать носовые микрофильтры, но Троосту не требуется и этого. Он еще в молодости прошел биомодификацию дыхательной системы, позволяющую отфильтровывать вредные примеси. Маартен Троост может дышать в любом воздухе, в котором достаточно кислорода и нет едких газов. Очень полезно для космического путешественника.

А вот с силой тяжести никакая модификация не справится. На Килиме она равна 1,29 g. Чувствуя, как ноги наливаются свинцом, Троост вызвал панель управления ИГ-поясом и снизил свой вес на двадцать процентов.

Теперь он мог спокойно осмотреться. В месте приземления «Нимрода» солнце только-только взошло. Оно показалось из-за небольших изумрудно-зеленых холмов, которые наверняка богаты живностью. Из травы доносились приглушенные звуки, похожие на птичий щебет – однако птиц на Килиме нет.

Надо будет отловить этих певцов.

Обернувшись, Троост с сожалением подумал, что «Нимрод» несколько нарушает первозданную гармонию планеты. Бронзового оттенка, полусферический, со стороны корабль-зверолов похож на сплющенный колокол или перевернутую миску. Относится к классу среднетоннажных звездолетов, имеет шестьдесят пять метров в высоту и сто двадцать в диаметре. Он может принять на борт, прокормить и обеспечить всем необходимым две тысячи живых существ, но экипаж его состоит всего из четырех человек. Пятерых, если считать Пака.

Один из членов экипажа как раз вышел из шлюза. Урс Таркас, бортмеханик. Он выгружал и активировал дронов – тридцать восемь крошечных шарообразных разведчиков и шесть многоруких охотников. Они будут выслеживать и отлавливать обычную, широко распространенную фауну. А вот редкими, малоизученными и особо крупными экземплярами Троост займется сам.

Дронов Урс Таркас настраивал молча, не перекинувшись с Троостом и словом. Он вообще отличался флегматичностью, разговаривал редко и односложно, обычно ограничиваясь ответами на вопросы. Это характерно для многих коренных марсиан – они по самой природе необщительны.

Большинство марсиан ничем не отличается от землян. Троост сам прожил на Марсе два с лишним года, когда изучал марсианского кондора. Произошедшая от земного вида, в марсианских условиях эта птица добилась почти шести метров в размахе крыльев и обзавелась устрашающей величины когтями. К тому же его место в пищевой цепочке переместилось от «падальщика, изредка хищника» к «хищнику, изредка падальщику». Сейчас марсианский кондор – гроза небес Красной планеты, он охотится на тапиров, бизонов и кенгуру, а порой нападает и на человека.

Ну а так называемые коренные марсиане – это такие же потомки земных колонистов, как и все остальные марсиане. Однако в отличие от прочих коренные марсиане жили и рожали детей в зонах естественной марсианской гравитации, в силу чего уже пару поколений спустя стали фактически новой расой. Коренного марсианина заметно сразу – они очень высокого роста, но при этом ужасно худые. Тот же Урс Таркас выше Трооста на целую голову, но весит почти вдвое меньше.

Эта мода зародилась еще в двадцать втором веке, причем сначала не на Марсе, а на Луне. Но «коренные селениты» особой популярности не получили, и вскоре эта субкультура совсем зачахла. Все-таки Луна, несмотря на многолетнее терраформирование, так и осталась не слишком-то комфортным местом.

А вот «коренные марсиане» превратились в самый настоящий народ. Даже не народ, а полноценную расу. Сейчас их около тридцати миллионов, у них есть собственная культура (во многом, правда, скопированная у Брэдбери и Берроуза) и даже собственный язык. Его создали на основе эсперанто, латыни, английского, испанского и наречия индейцев чероки. В двадцать пятом веке его носители перешли на всеземной, но и «марсианский» язык по-прежнему учат, разговаривают на нем с сородичами.

Поскольку на «Нимроде» поддерживается стандартная земная гравитация, Урс Таркас постоянно держит ИГ-пояс на сорока процентах. Иначе он бы просто переламывался под собственной тяжестью. Здесь, на Килиме, он наверняка снизил свой вес еще сильнее.

Дронов-разведчиков Урс Таркас почти сразу же отправил в свободный дрейф. А вот охотников он передавал Троосту. Тот каждому из них давал конкретные инструкции – кого ловить в первую очередь, кого во вторую, кого вообще игнорировать. Первого охотника Троост отправил в горы, второго на равнину, третьего к морю, двоих в лес, а последнего оставил при себе для мелких поручений.

Просматривая бестиарий Килимы, Троост синхронизировал его со списком задач зоопарка. Теперь все животные промаркировались четырьмя цветами. Зеленый – в зоопарке достаточно особей такого вида, либо они вообще не представляют интереса. Желтый – в зоопарке уже имеется, но при случае можно прихватить еще парочку. Оранжевый – изученные, но не представленные в зоопарке виды или представленные недостаточно, желательно поймать и привезти. Красный – на Землю еще ни разу не привозили, и зоопарк очень заинтересован в их получении.

Кроме того, есть немаркированные. Это недавно открытые виды, данные о которых еще не поступили в Инфранет. В зоопарке их, разумеется, тоже еще нет, поэтому их необходимо брать в первую очередь.

Желтых и оранжевых будут ловить дроны-охотники. Красных и немаркированных – Троост. О красных информации слишком мало, о немаркированных ее нет вообще. Тут могут подстерегать разные неожиданности.

Когда «Нимрод» вернется на Землю, его инфосеть синхронизируется с Инфранетом, банк данных пополнится новыми сведениями, и немаркированные виды станут красными. Или оранжевыми, если Троост привезет живые образцы.

Всего немаркированных видов оказалось четыре. Гигантская волосатая жаба, крыса-летяга, клыкожор крюконогий и обезьяна-волкоглав. Все они были открыты за последние четыре месяца, и на Земле об их существовании пока что не знают. Надо будет заглянуть в лесничество, пообщаться. Можно через инфосеть, конечно, но личный визит обычно результативнее.

К тому же там наверняка чем-нибудь угостят, а Троост никогда не упускал возможности подкрепиться.

Первую добычу доставили уже через пару часов. Охотник номер три принес в силовом пузыре семь отличных летучих рыб. Троост осмотрел их, убедился, что все особи живы, здоровы и не слишком напуганы, и аккуратно переправил в уже подготовленный аквариум на пятьдесят тысяч литров.

Большую часть вольеров «Нимрода» Троост настроил еще во время перелета. Для сухопутных животных, для водных, для летающих. Для хищников и травоядных. Для гигантов и крохотулек. В каждом вольере поддерживается специализированная килимская среда обитания – привычный состав воздуха и воды, привычная сила тяжести, привычная микрофлора. Килимская почва, килимские растения. Невольные гости «Нимрода» не должны испытывать ни малейшего дискомфорта.

Пересадив в аквариум летучих рыб, Троост некоторое время еще стоял рядом, просто любуясь. Летучие рыбы Килимы удивительно красивы. На солнце их чешуя переливается всеми цветами радуги, плавники искрятся, точно бенгальские огни, а в полете за ними развевается красочный хвост-шлейф.

И в отличие от своих дальних земных родственников, они действительно летают. Их плавники – это самые настоящие крылья, не уступающие птичьим. И хотя

дышат они все еще жабрами, в челюстной полости летучие рыбы хранят запас воды, благодаря чему могут оставаться в воздухе полчаса и даже более.

Этот вид промаркирован оранжевым – в Венерианском зоопарке уже есть несколько экземпляров, но Трооста просили привезти еще. Ловить, разумеется, нужно парами. Минимальный набор – один самец и одна самка.

А лучше с запасом, на случай внезапной гибели и просто для разнообразия генофонда. Всякое животное ведь рано или поздно скончается, поэтому Венерианскому зоопарку нужны группы, способные к самопроизводству. Иначе останется только клонировать, а клонирование инопланетных организмов разрешается лишь в особых случаях. Пополнение коллекции зоопарка к таковым явно не относится.

В этом аквариуме им будет немного тесновато. Летучим рыбам нужен простор. Но ничего не поделаешь – до возвращения на Венеру придется потерпеть. А там они получат в свое распоряжение огромный надводный авиарий.

Устроив летучих рыб, Троост запрограммировал им пищеподачу. Поскольку в зоопарке этот вид живет уже несколько лет, в синтезаторе были все данные об их диете, состоящей в основном из воздушного планктона. Воздух Килимы немного плотнее земного и очень богат мелкими насекомыми, особенно в прибрежных областях.

Едва Троост закончил, поступил сигнал от охотника номер пять. Он принес пару москитов-дракул. Тип – членистоногие, класс – хрящистые, отряд – шестикрылые, семейство – комароподобные. Издалека напоминают земных москитов, но размером с крупную ворону. К насекомым эти создания отношения не имеют – у них тоже сегментированные тела и хитиновый покров, но под ним скрывается твердый стержень из ткани, сходной с хрящом. Многие таксономисты даже полагают, что хрящистых следует относить не к членистоногим, а к позвоночным.

Троост еще не успел толком обустроить москитов-дракул, как охотник номер четыре притащил орнитопода. Почти одновременно с ним охотник номер два доставил упирающегося светляка-фейри. Позже всех явился охотник номер один, но зато с самой крупной добычей – горной медузой размером с небольшой флаер. Летучее кишечнополостное гневно извивалось и шарило могучими

щупальцами, но наталкивалось на стенки силового пузыря.

Пришла пора подключать киперов. Это именно их работа – обустраивать пойманных животных, ухаживать за ними, следить, чтобы каждый зверек был сытым, чистым, здоровым и счастливым. Пока добычи немного – работа несложная, но когда «Нимрод» будет забит доверху, девчонки собьются с ног. Так в каждой экспедиции.

Киперов в экипаже «Нимрода» обычно двое. Сейчас это Латиша Эмекун, двадцать семь лет, четвертый вылет, и Богуслава Иржичкова, двадцать четыре года, первый вылет. Эмекун – довольно полная, чернокожая, заплетает волосы в две толстые косы и собирается в следующем году сдавать экзамен на старшего кипера. Иржичкова – субтильная брюнетка с волосами, стянутыми в конский хвост, очень любопытная и ходит с чуть приоткрытым ртом, словно все время чему-то удивляется.

Первые две недели Троост и сам почти не покидал «Нимрод». Добыча шла сплошным потоком, некогда было присесть. Потом паузы между появлением охотников стали увеличиваться. Они собрали широко распространенную фауну этих мест и с каждым разом улетали все дальше и дальше. Если в первые дни каждый дрон успевал сделать по семь-восемь ходок, то теперь – всего по две-три.

Ловили в основном крупных животных. Если добычу уже с пары метров трудно разглядеть невооруженным глазом, зоопарку это не очень интересно. Насекомых и другую мелкоту Троосту поручено брать только особенных, чем-то отличающихся от тех, что уже имеются в Венерианском зоопарке. А поскольку в его инсектарии более двухсот тысяч видов, найти что-то подобное – задачка непростая…

На шестнадцатый день экспедиции охотник номер пять впервые не вернулся. За целые сутки он не обнаружил никакой добычи из списка. Это означало, что Троосту пора начинать собственные вылазки.

Но вначале он решил нанести визит вежливости в лесничество. Его там уже дожидались – на Килиме нечасто видят новые лица. Планета далекая, колонии нет, звездолеты заходят раз в полгода. В планетарных лесничествах обычно работают сменами – шести– или двенадцатимесячными.

Полет занял сорок минут. Флаер мог долететь вдвое быстрее, но Троост никуда не спешил. Он задал курс и откинулся в кресле, любуясь панорамой из-под силового колпака. Чтобы развить предельную скорость, нужно подниматься в стратосферу, а оттуда ничего толком не разглядишь.

Всего к «Нимроду» приписаны три флаера – легкий, средний и тяжелый. Легкий – двухместный и развивает до восьми тысяч километров в час. Средний – шестиместный, может взять пять тонн груза и развивает до трех тысяч километров в час. Тяжелый же предназначен для перевозки особо крупных животных, берет до шестидесяти тонн груза и развивает до полутора тысяч километров в час. Взлет и посадка у флаеров вертикальные, все оборудованы буксирами-антигравами и могут выходить на орбиту, служа космическими баркасами или спасательными шлюпками.

Планетарное лесничество Килимы устроилось рядом с небольшим плато, со всех сторон окруженное приземистыми деревьями с голыми ветвями. Килимские баобабы. Они покрываются листвой всего на месяц в году – все остальное время экономят воду, храня ее в пузатых стволах-бутылях.

Большая часть лесничества находится под землей. Склады, лаборатории, ангар, технические помещения. На поверхности только жилищно-рекреационная зона – два шестиместных и четыре двухместных коттеджа, сауна с бассейном, спортплощадка, беседка-кафетерий. Сверху силовой купол, защищающий от непогоды.

Несмотря на то что станция рассчитана на двадцать сотрудников, реально их здесь и сейчас всего восемь. Четверо – персонал, четверо – ученые. Комендант, интендант, механик, пилот-рейнджер, геолог, зоолог, ботаник и метеоролог.

– Корабль-снабженец последний раз заходил четыре месяца назад, – рассказывала комендант – высокая седая женщина с гордой осанкой. – Привез нам новый флаер, заправку и Дзоффа. – Толстенький ботаник скромно поклонился. – Хотя заправка нам тут и не нужна – местные углеводороды человеку годятся. Можно просто рвать траву.

– Это из травы? – спросил Троост, прихлебывая чай из блюдца.

– Ну уж нет! – хмыкнула комендант. – Синтезированный чай я терпеть не могу! Это, дорогой мой, двадцатилетний юньнаньский пуэр! Высший смак!

Эта женщина, Лис Лезирович, руководила килимским лесничеством со дня его создания – вот уже почти тридцать пять лет. Другие сотрудники периодически менялись, а она жила почти непрерывно. Не так давно ей исполнилось сто восемьдесят, близких людей на Земле не осталось, и она была твердо намерена закончить свои дни на Килиме.

– Я же сначала с мужем тут жила, – поделилась Лезирович. – Он гидрологом был. Десять лет мы здесь вместе провели. А потом он умер – возраст, дорогой мой, что же вы хотите. Завещал похоронить себя в океане.

Судя по скучающим лицам сотрудников, они эту историю слышали уже неоднократно. Троост решил сменить тему и заговорил о том, что его больше всего интересовало – о новооткрытых видах.

– Да-да, конечно, – оживился зоолог – худощавый мужчина лет шестидесяти. – Я вообще-то специалист по многощетинковым червям, но в этом году работал в центральной области материка, так что открыл и несколько крупных видов. Что-то конкретное узнать хотите или так, в общем?

– В общем. Вы кого-нибудь из них ловили?

– Клыкожора ловил, но сразу отпустил. Проглот ужасный – никакой заправки не напасешься. А остальных нет. Будете ловить?

– Конечно. Для того и прилетел.

– Умгум… Ну, жабу вы найдете в больших водоемах, на самом дне. Не особенно распространенный вид, придется поискать. Я вам на карте отмечу, где ее видел. На суше не ищете – она хоть и похожа на земных жаб, но вовсе не амфибия, дышит исключительно водой. Летягу лучше брать ночью – днем поймать и даже просто заметить их сложно, а вот ночью они спят в дуплах, там их голыми руками брать можно. Клыкожор… с ним осторожнее, цапнуть может.

– Охотится на людей? – удивился Троост.

– Специально нет. Но он не видит ни черта и жрет все, что в пасть попадает. Траву – так траву, кору – так кору, насекомых – так насекомых, руку всунешь – так и руку отхватит. По-моему, вообще все может переварить. У Зулейхи сапог сожрал.

Мрачная девушка-пилот вытянула ногу, словно демонстрируя, какой именно сапог сожрал гнусный зверь.

– А вот с кем особенно осторожно – это с волкоглавом, – продолжил зоолог. – Волкоглав – это, я вам скажу, настоящий царь килимской природы. Крупные, хищные и очень агрессивные. Распространены довольно широко, особенно в северной части материка, но животные это ночные, очень скрытные и осторожные, так что открыли мы их только в этом году. В последнее время я за ними наблюдаю – очень интересные создания. Занимательный факт – волкоглав никогда не нападает на спящих. Никогда. Если при встрече с ним лечь и закрыть глаза – не тронет. Честное слово, я на себе проверял.

– В самом деле? И почему же?

– А тут дело в том, что волкоглавы не едят падаль. И если он видит спящую добычу – принимает за мертвую. Его не смущает даже запах – волкоглав больше доверяет глазам.

– Похоже, не очень-то это умные животные.

– Да, соображают они туговато. Но зато охотники великолепные. Быстрые, ловкие, очень чуткие и передвигаются совершенно бесшумно. Так что осторожнее.

Троост вежливо наклонил голову. Он был благодарен за совет, но мог бы сказать, что вряд ли зверолову с его стажем нужно напоминать об осторожности. В конце концов, он ловил животных десятки лет, на десятках планет – и все пока что обходилось благополучно.

Ну хорошо, несколько раз его кусали.

И жалили.

И рвали когтями.

Дважды он чуть не умер от яда.

А однажды его даже проглотили целиком.

Но ведь все же обходилось. Да и современная медицина может вылечить практически что угодно. В считаные часы заживить любую рану, срастить перелом, даже вырастить новую конечность… что, кстати, Троосту один раз пригодилось. Он тогда был еще молодой, неопытный…

На охоту Троост отправился два дня спустя. Он вылетел на среднем флаере, прихватив с собой дрона-охотника номер шесть, модель «Ретривер ZRM-C411». Этот дрон немного отличался от пяти остальных – обладал большим количеством функций, но не умел действовать автономно. Его создавали именно как ассистента зверолова.

Когда Троост шел через лес, дрон парил чуть выше и правее. Цилиндрической формы, он обладал десятью тонкими манипуляторами – четырьмя сверху и шестью снизу. Половина их была снабжена штырьками стоперов, а под днищем мерцало полушарие силового пузыря – этой высокотехнологичной клетки-переноски.

Вокруг охотника и самого Трооста крутилось еще двенадцать шарообразных дронов размером с пчелу – разведчики. Из них шесть постоянно передавали изображение на визор Трооста, моделируя в поле зрения субэкраны.

Когда-то это ужасно напрягало – одновременно следить за шестью картинками, плюс еще седьмая – собственные глаза. Но теперь Троост делал это с легкостью, не упуская ни малейших деталей.

Килимский лес не так уж и отличался от земного. Деревья здесь преобладали низкие, приземистые – последствие более высокой силы тяжести. Кустарника почти не было, а трава стелилась по земле, стараясь прижаться к какому-нибудь стволу, обвиться вокруг него вьюном. Обильно росли мхи, покрывая все пушистым ковром.

Многие ветви были усеяны большими яркими бусинами, выглядящими как спелые ягоды, однако то были не ягоды, а цветы. Именно такую форму избрали для своих органов размножения килимские растения, за что и были названы сферосеменными. Чтобы добираться до пахучего нектара, килимским насекомым пришлось отрастить длиннющие хоботки.

Внимание Трооста привлек один из субэкранов. Он сосредоточил на нем взгляд, и картинка приблизилась, демонстрируя удивительно толстое низенькое деревцо, похожее скорее на огромный пень. Вдоль ствола безвольно свисали ветви, иные из которых оканчивались сочными плодами, напоминающими манго, раскрашенное в зеленую и фиолетовую клетку. Выглядели они необычайно аппетитно.

Маартен Троост просто не смог удержаться. Он всегда был большим гурманом и обожал пробовать что-нибудь новенькое. А если не считать чаепития в лесничестве, последние три недели он питался только едой из биорепликатора.

Нет, в ней нет ничего плохого – синтезированная пища содержит все необходимые компоненты и вещества, имеет тот же вкус, запах и химический состав… и все же чем-то неуловимо отличается от настоящей еды. Никто еще не смог внятно сформулировать, чем именно она отличается, но разницу чувствуют все. Для большинства это несущественно, но уважающий себя гурман все же предпочтет побаловать желудок настоящей едой.

Например, вот этим спелым плодом.

Анализатор сообщил, что плод пригоден для еды. Не токсичен, паразитов тоже не обнаружено, а местная микрофауна землянину не опасна. Насчет вкуса он, правда, даже не заикнулся – и Троост, откусив кусочек, испытал легкое разочарование. Плод оказался… неинтересным. Мякоть довольно жесткая, маслянистая, в центре крупное семечко. Немного напоминает авокадо. Съедобно, но не более того.

В килимском бестиарии это растение значилось безымянным. Только номенклатурный цифро-буквенный код. Следовательно, Троост имел право дать ему название – как первый, вступивший с данной особью в близкий контакт.

– Я назову тебя… хм… невкусное манго, – задумчиво произнес Троост.

Он не мог не признать, что это не самое удачное название. Вполне возможно, что земные таксономисты его забракуют. Даже скорее всего. Но пока пусть будет так.

Съев половину невкусного манго, Троост нашел в нем еще один недостаток. От него сушило во рту. Хотелось чем-нибудь запить. Совсем рядом протекал ручей, но пить оттуда анализатор строго запретил. Вода просто кишит паразитами. Одноклеточные – пока еще безымянные, с неизученными свойствами. Не исключено, что они совершенно безобидны, однако допускать их внутрь своего организма будет крайне неблагоразумно.

Пришлось обойтись водой из фляжки. В глубоких карманах Трооста фляжек было целых четыре – с водой, холодным чаем, крепким кофе и апельсиновым соком.

Троост не любил сумок и ранцев, предпочитал держать руки и плечи свободными, а потому очень ценил свой универсальный комбинезон с его семнадцатью карманами. Туда вмещались все рабочие инструменты, и еще оставалось место для бутербродов. Анализатор, биоискатель, магнитные щипцы, подводные очки, респиратор, дезинфектант, пачка антигравитантов, силовой насос, силовая палатка, силовая лодка, походный репликатор, шумовой генератор, аптечка, стопер, униор… Троост сам не был до конца уверен, что у него есть в карманах, а чего нет.

Зоолог в лесничестве посоветовал искать гигантскую волосатую жабу в озере Лезирович. Названо, как несложно догадаться, в честь бессменной женщины-коменданта. Или ее покойного мужа. Входит в тройку крупнейших на планете и размерами не уступает земному Виктория.

Почти круглой формы, довольно мелководное, озеро могло похвастаться обилием живности. Биоискатель зафиксировал более двухсот миллионов тонн биомассы и оценил уровень генетического разнообразия в тысячу двести. Большая часть – рыба, водные растения и зоопланктон.

Дрон-охотник медленно пошел над водой. Разведчики же с ходу ушли вглубь. Там им приходилось быть осторожными – какая-нибудь подслеповатая рыба запросто могла принять их за рыбий корм. В среднем так теряется по десять – пятнадцать разведчиков за экспедицию.

Уже через несколько минут один из разведчиков обнаружил добычу. Немного далековато от берега, но ничего страшного. Троост надел подводные очки и прямо в комбинезоне вошел в воду. Погрузившись по плечи, он вызвал панель ИГ-пояса и начал медленно увеличивать свой вес. Сто десять процентов… сто двадцать… сто тридцать… сто сорок…

Ста сорока процентов с лихвой хватило, чтобы не всплывать. Переключив шумовой генератор на режим эхолота и внимательно глядя под ноги, Троост зашагал по илистому дну. Погрузившись с головой, он поправил воротник, чтобы обеспечить жабрам лучший приток кислорода. Восемь обычно незаметных щелей на шее зверолова раскрылись и забулькали, а ноздри, наоборот, затянулись мембранами.

Если на поверхности все было залито золотистым солнечным светом, то здесь Троост оказался в мире синего и зеленого. Красный и оранжевый цвета исчезли сразу же, а с увеличением глубины пропал и желтый. Понемногу становилось все темнее.

Вокруг сновали разведчики, внимательно наблюдая за потенциально опасными видами. Свою первую серьезную травму Троост получил еще в пять лет, просто неудачно шагнув в воду. У самого берега лежал скат-хвостокол, которому совсем не понравилось, что какой-то мальчишка на него наступил. Ядовитый шип насквозь пронзил ступню маленького Маартена, и, если бы не своевременная помощь медиков, «Нимродом» сейчас мог бы командовать кто-нибудь другой.

Именно после того случая Троост и решил стать звероловом.

Гигантскую волосатую жабу Троост вначале не заметил. Это создание, похожее на покрытую зеленым мхом кадушку, совершенно сливалось с ландшафтом. В мутноватой озерной воде оно выглядело просто очередным комком грязи и водорослей, которых на дне были тысячи. Если бы дрон-разведчик не пискнул, робко напоминая, что добыча буквально в двух шагах, Троост прошел бы мимо.

Зато поймать жабу оказалось легче легкого. Неуклюжая, неповоротливая, она полностью полагалась на свою систему маскировки. Троост даже не стал ее стопить – аккуратно ухватил за бока магнитными щипцами, подтянул поближе и загнал в силовой пузырь. Жабе показалось там слишком тесно, и Троост немного расширил пузырь. После этого жаба успокоилась.

Анализатор сообщил, что это самка.

Прилепив к пузырю антигравитант, Троост подвесил жабу к дрону-охотнику на манер воздушного шарика и отправился искать ее товарок. В течение четырех часов он поймал еще три экземпляра – двух самок и самца, который оказался почти вдвое меньше своих будущих супруг. Теперь за Троостом плыла целая вереница силовых пузырей, из которых доносилось недовольное буркотание.

Не помешал бы еще один самец. Никогда нельзя ставить на одного – он может быть больным или слишком старым. Но жабы в озере как будто закончились – ни Троост, ни дроны больше не находили этих зеленых мшистых кочек. Точнее, находили, и во множестве, но они были просто комками грязи и водорослей.

В некоторых из них свили гнезда килимские пауки-плавунцы, но этот вид промаркирован зеленым. Даже если сами вдруг залезут в силовой пузырь, Троост их выпустит.

Еще одного самца Троост так и не нашел. А поскольку уже смеркалось, он решил отложить это на завтра и заняться пока крысой-летягой.

Троост поручил дрону отбуксировать жаб к флаеру, сам же отправился на прогулку по ночному лесу. Еще по дороге к озеру он приглядел несколько деревьев с большими дуплами, отметил их на электронной карте и теперь начал методичный обход.

Первые два дупла оказались пустыми. Зато в третьем Трооста ожидал джекпот – целая стая сонных крыс-летяг. Правда, довольно высоко. Троост уменьшил свой вес до пятнадцати процентов, переключил гравитационные подошвы на «минус» и плавно поднялся на почти двадцатиметровую высоту. Там он с ходу выстрелил в дупло из стопера, поставив его на самую малую мощность, и принялся складывать в силовой пузырь обездвиженные тельца.

Крысы-летяги почти не отличались от земных летяг. Мордочки немного другие, лапки подлиннее, хвост раздвоенный – вот и все различия. Ничего странного – среди инопланетной фауны нередко встречаются полифилеты земных животных. В конце концов, Вселенная ведь та же самая, законы физики те же самые, таблица элементов та же самая. Если организмы обитают в схожих

условиях, то они с высокой вероятностью приходят к схожим решениям.

Взять хоть такие виды, как акула, ихтиозавр и дельфин. Рыба, рептилия и млекопитающее, совершенно разные таксоны. Но внешне они очень похожи друг на друга, поскольку для морского хищника подобная форма – одна из наиболее рациональных. Торпедообразное тело, спинной и боковые плавники – это удобно. В морях Килимы тоже водится конвергентный хищник – килимский катран.

А возвращаясь к флаеру с полным пузырем крыс, Троост нежданно-негаданно повстречал крюконогого клыкожора. И вот как раз он совершенно не походил ни на одно земное животное.

Эта жутковатая зверюга напоминала старинный турбовентиляторный двигатель. Почти цилиндрическое гладкое туловище, снабженное четырьмя лапами-крюками, которыми клыкожор неторопливо подтягивал себя вперед. А спереди – пасть. Постоянно распахнутая огромная пасть с кольцом устрашающих наружных клыков и целым сонмищем внутренних. Все, что попадало в этот живой реактор, мгновенно перемалывалось в труху, а затем переваривалось.

Сразу стало видно, что клыкожор – никудышный охотник. Безглазый, коротколапый, еле ползающий, он вряд ли смог бы поймать кого-нибудь более проворного, чем морская звезда. Но ему это и не требовалось. Клыкожор просто полз вперед, оставляя за собой метровую полосу голой земли. В качестве способа выживания этот вид избрал абсолютную всеядность.

Троост с большим интересом наблюдал за тем, как клыкожор наткнулся на довольно крупное дерево и начал невозмутимо его глодать – с корой, с ветвями. Впрочем, скоро он насытился – при всем желании этот зверь не мог поглотить целое дерево. Но уходить не стал – улегся в теплую грязь и задремал, ожидая, пока вернется чувство голода.

Там его и взял Троост. Подошел сзади, накрыл лучом стопера и усадил в пузырь. Пузырь на сей раз получился особенно большой – в клыкожоре было два метра с гаком. Весил же он целую тонну – антигравитант пришлось выкрутить на максимум, чтобы поднять в воздух такую тушу. Еще чуть-чуть тяжелее, и пришлось бы лепить второй.

Решив, что на сегодня достаточно, Троост погрузил добычу в флаер и полетел обратно к «Нимроду». Дрона-охотника он оставил на озере, поручив довыполнить план по гигантским волосатым жабам – и чтобы непременно был еще хоть один самец.

Порядком уставший, всю дорогу до корабля зверолов продремал. Из-за разницы в часовых поясах к «Нимроду» он прилетел задолго до рассвета, но ложиться спать не отправился. Ему нужно было устроить, осмотреть и накормить свежую добычу.

Первоочередная задача при поимке зверя – обеспечить ему пропитание. Корабельный биорепликатор может произвести любую субстанцию, но вначале ему нужен образец. Непривычную пищу большинство животных принимать отказывается, и порой приходится попотеть, чтобы выяснить, какую диету предпочитает очередной пленник. Да и после этого проблемы не всегда заканчиваются.

Например, летучие рыбы ловят крошечных насекомых – над килимскими морями их вьются целые тучи. Биорепликатор может синтезировать хоть тонну мошек, но он не может сделать их живыми. Это просто точные копии их телец. А летучие рыбы привыкли кормиться именно живой пищей, причем порхающей – на мотыля и дафнию они даже не посмотрят.

Для таких избалованных были разработаны специальные корма-обманки. Синтезируется самый обычный комочек протеина в форме какого-нибудь комара. Со всеми необходимыми витаминами и добавками, а еще – с крошечной полостью внутри или спинным пузырьком, заполненным водородом или гелием. Иногда вместо этого немного меняется форма крыльев, образуя небольшой слюдянистый «парашютик». Подается корм через трубу с обдувом, что позволяет ему «летать». Летучие рыбы кушают такую синтезированную мошкару с аппетитом.

Или взять килимского москита-дракулу. Нетрудно догадаться, что питается он кровью. И крови ему нужно много – москит-дракула охотится на крупных травоядных, потребляя за раз до трехсот граммов. Синтезировать нужные ему плазму и гемоглобин несложно, но из блюдечка он пить не станет. Москит-дракула просто не поймет, что вот эта красная жидкость и есть его любимое лакомство. В природе он же не встречается с ней в таком виде.

Так что кровь приходится синтезировать в оболочке. К счастью, москит-дракула не требует делать ее движущейся – достаточно просто волосатой «кровяной колбасы» с характерным запахом.

Но гораздо хуже, когда неизвестно, чем именно животное питается. Весь следующий день Троост промучился, заставляя гигантских волосатых жаб есть, но они упорно отказывались отведать хоть что-нибудь. Они даже шевелиться отказывались. Просто сидели неподвижно в своем аквариуме и лишь время от времени приглушенно бурчали.

Им не понравилась ни мелкая рыбешка, ни мучные черви, ни водоросли, ни пресноводные крабы. Дрон-охотник принес целый мешок того, что водится в озере Лезирович, но ничто из этого жаб не соблазнило. Они пялились на Трооста с нескрываемым отвращением и продолжали поститься.

Та же проблема оказалась и с крысами-летягами. В отличие от жабы, они носились по вольеру как угорелые, то и дело взбираясь на ветки и планируя с них, но есть… нет, есть они ничего не хотели. Троост собрал все плоды, какие только нашлись в местах их обитания, – все тщетно.

Еще во время поимки Троост просканировал и жаб, и крыс анализатором, но непереваренной пищи в желудках не обнаружилось. У крыс были какие-то комочки, но слишком бесформенные, чтобы определить, чем они были раньше. А у жаб не было и этого.

Зато крюконогий клыкожор Трооста порадовал. Кто-кто, а уж этот привередничать не собирался. Мясо, рыба, фрукты, трава, даже сухие поленья – все исчезало в этой чудовищной пасти. Треугольные зубы мелко вибрировали, измельчая корм, точно блендером. Только кидай.

И угощение добрых землян явно понравилось ему больше древесной коры. Живот клыкожора, поначалу небольшой, раздувался, будто накачанный насосом. Всего за пять минут он увеличился в объеме на добрую четверть. Троост даже забеспокоился, не повредит ли ему такое обильное питание.

Киперам клыкожор тоже сразу понравился. Иржичкова и Эмекун очень любили покладистых питомцев. Чтобы ели все подряд, не капризничали, не кусались и не слишком пачкали в вольере. Ведь это им приходилось убирать. Не вручную,

конечно – вольеры автоматические, очищаются удаленно, – но пригляд человека все равно необходим.

И санобработка еще, разумеется. Эмекун почти три часа чистила крыс-летяг – их шерсть разве что не шевелилась от паразитов. На одном старом самце было найдено больше тридцати блох, десяток клещей, две жирные древесные пиявки и ноздревой глист, протянувшийся через всю трахею и уютно свернувшийся в легких. Бедная девушка чуть не заплакала, когда извлекла эту пакость магнитным пинцетом.

Несмотря на санобработку, две крысы-летяги умерли в первый же день. Троост вскрыл их и обнаружил, что легкие бедняжек изъедены каким-то грибком. По всей видимости, болезнь ускорилась из-за стресса – мелкие зверьки нередко паникуют, оказавшись в неволе. Да и крупные в общем-то.

Но зато теперь он смог взять содержимое их кишечников на химический анализ. Немного повозившись в корабельной лаборатории, зверолов хмыкнул и произнес:

– Этого следовало ожидать.

Оказалось, что крысы-летяги питаются невкусным манго. А именно его Троост почему-то забыл им предложить – видимо, подсознательно решил, что такое им точно не понравится.

Что ж, очередное подтверждение того, что вкусы у всех разные.

Глядя, с каким жаром оголодавшие летяги уплетают плоды, Троост вдвойне огорчался, что жабы по-прежнему отказываются есть. Не исключено, что они просто сыты – вон какие упитанные! – но это все-таки непорядок. Неужели придется ждать, пока одна из них тоже умрет?

Можно застопить и вскрыть живую, но Троосту не хотелось идти на такие радикальные меры. Анатомия инопланетных животных – дремучий лес даже для самых опытных ветеринаров. Нет никакой гарантии, что пациента удастся вернуть к жизни.

Зверолов изучил строение их ртов, но это ничего не дало. Зубов как таковых у волосатых жаб не было – их заменяло ороговевшее нёбо и странной формы костяные рогульки посреди нижней челюсти. Такая система могла бы подойти для разламывания панцирей улиток, но улиток жабы отвергали с тем же упрямством, что и все остальное.

На следующий день жабы продолжали поститься. Но Троост уже не мог отдавать им все свое время. Он поручил Иржичковой периодически наблюдать за ними и не переставать соблазнять всякими кормами. Сам же отправился в новую вылазку – за последним из немаркированных животных.

Обезьяной-волкоглавом.

Зоолог из лесничества сказал правду – волкоглавов на Килиме оказалось немало, но отыскать их было очень непросто. Они показывались только по ночам, днем же прятались в многочисленных на севере материка карстовых пещерах. Входы в свои логовища волкоглавы тщательно маскировали, так что даже дроны-разведчики пока что обнаружили всего одно, да и то брошенное.

Следующие четыре ночи Троост изучал волкоглавов. Он парил над их охотничьими тропами на флаере, с интересом наблюдая за этими великолепными хищниками. В зоопарке они станут настоящим хитом.

Строением тела волкоглавы напоминали земных горилл. Более двух метров ростом и почти метр в плечах, очень массивные, с развитой мускулатурой и почти черной шерстью. Но в отличие от горилл, волкоглавы не были вегетарианцами. Их лапы – как передние, так и задние – были снабжены мощными когтями, способными втягиваться на манер кошачьих. Ну а головы скорее напоминали волчьи, чем обезьяньи – вытянутая морда, заостренные клыки, большие треугольные уши и влажные собачьи носы.

Судя по тому, что наблюдал Троост, волкоглавы обладали очень развитыми чувствами. Зрение, слух, нюх – все обострено до предела. Они уверенно передвигались в кромешной тьме, реагировали на малейшие шорохи и по крайней мере дважды задирали морды, с явным подозрением следя за парящим над ними флаером. Если они чуяли человека на таком расстоянии, их обоняние должно быть просто феноменальным.

Охотниками они были чрезвычайно эффективными. Обычно действовали поодиночке, но могли объединяться в пары и тройки, а однажды Троост даже стал свидетелем групповой охоты. Целая стая из восемнадцати крупных самцов напала на килимского диплодока – пятнадцатиметровую рептилию с вытянутой шеей.

Значительно уступая жертве в росте и силе, волкоглавы восполнили недостачу умелыми совместными действиями. Они подняли диплодока с лежки, целый час преследовали его, кусая за ноги и цепляясь когтями за бока, а в конце концов загнали на крутой уступ, с которого он и сорвался. Волкоглавы растерзали добычу, как следует попировали, а остальное утащили в пещеру – своим самкам и детенышам.

Самок Троост ни разу не встречал, а вот детенышей один раз удалось. Два старых самца с побелевшей шерстью учили четверых сеголетков бесшумно передвигаться по лесу. Один шел впереди группы, второй позади, и, если кто-нибудь из молодежи издавал хоть легчайший звук, ему сразу прилетала оплеуха. Маленькие волкоглавы обиженно тявкали, иногда огрызались, но за это им доставалось еще сильнее. Нравы в стае царили суровые.

На пятую ночь Троост стал готовиться к охоте. Он наметил для начала поймать одного самца, понаблюдать его в неволе, а потом уже поразмыслить, как лучше подобраться к самкам. Очевидно, надо искать логово, и желательно принадлежащее маленькой стае. Троост вполне убедился, насколько это опасные звери. И хотя хищники редко нападают на незнакомую добычу, своих самок и детенышей они будут защищать от кого угодно.

Подобраться к волкоглавам на флаере не получалось. Едва летающая машина начинала снижаться, звери сразу настораживались и скрывались в зарослях, под кронами деревьев. Поэтому Троост посадил флаер на небольшой прогалине, а сам устроил засаду близ популярной охотничьей тропы. Он наметил одного молодого самца, который появлялся здесь еженощно, всегда примерно в одно и то же время.

Сегодня он не изменил своим привычкам. Троост ожидал его с подветренной стороны, но для пущей уверенности использовал загонщиков. Дроны-разведчики сопровождали волкоглава, активировав систему «красный флажок». Это генератор ультразвуковых сигналов, вызывающих у зверя чувство тревоги. Он старается уйти от источника неприятного ощущения, бежит прочь… и выходит

прямо на зверолова.

Так и вышло. Напуганный волкоглав вылетел перед самым носом Трооста. Он попятился, метнулся в сторону… но Троост уже выстрелил из стопера. Оглушающий луч накрыл волкоглава, и тот брякнулся оземь, издав затухающий вой.

– Прекрасно, – сказал Троост подстраховывающему дрону-охотнику. – Запакуй его и отнеси к флаеру.

Дрон издал слабое «бип-бип» и принялся выдувать силовой пузырь. Споро запаковав туда волкоглава, дрон приклеился к пузырю сверху и поднялся вместе с ним в воздух.

Почти вдвое меньше своей ноши, дрон производил странное впечатление – точно уродливый карлик, везущий великана на собственном хвосте. В детстве Троост читал подобную сказку… что-то про рыцаря и слепую красавицу… подробностей он не помнил.

Инф подсказал, что эта книжка называется «Вакханалия до минор» – фантасмагорическая новелла-сказка начала двадцать второго века. Автор неизвестен – книга появилась в Сети в качестве мистификации, массового розыгрыша. Позднее, когда она стала необычайно популярна, авторов объявилось аж полтора десятка, но лингвистический анализ опроверг их притязания.

Неожиданно Троосту захотелось перечитать эту книгу. Он вызвал текст, перебросил его в допреальность, и в небесах начали вспыхивать огненные слова.

«Случилось это в славном городе Багдаде, в те далекие времена, когда правил там великий и мудрый халиф Гарун аль-Рашид. И еще жили там три товарища, три разбойника. Хасан с Ахмедом, да за старшего у них плешивый Селим-ага. Любил этот Селим ночами по городу гулять да купцов потрошить…»

Троост успел прочесть только первый абзац. После этого его прервали самым грубым образом. Сначала тревожно запищали дроны-разведчики, а потом он и сам услышал нарастающий шум. Кто-то ломился сквозь кусты – огромная туша…

причем не одна…

Они выпрыгнули с трех сторон одновременно. Три волкоглава – матерых, лоснящихся, сдавленно рычащих. Даже если бы дроны засекли их раньше, Троост бы все равно не успел убежать.

Трое. Троост мгновенно понял, что застопить всех разом не удастся никак. Одного – да. Двоих – может быть.

Но третий его растерзает.

Дроны-разведчики прибавили «красные флажки» на полную мощность. Но «тревожный» ультразвук сейчас нисколько не пугал волкоглавов – в такую они пришли ярость. Троост включил свой собственный шумовой генератор – никакого эффекта. Волкоглавы лишь еще громче зарычали, явно готовясь броситься.

Подняться в воздух не получится. Троост просто не успеет достаточно снизить вес и задействовать антигравитанты. Хищникам хватит одного прыжка.

Дрон-охотник тоже не успеет на помощь. Он уже слишком далеко. Конечно, Троост сразу скомандовал ему возвращаться, но даже на предельной скорости машине потребуется минуты две, не меньше.

И тогда Троост решил воспользоваться советом зоолога из лесничества. Он расслабил все тело, подогнул колени, закрыл глаза и упал на землю, словно бездыханный.

Он сильно сомневался, что это поможет. Не настолько же волкоглавы глупы. Даже если они действительно принимают спящих за мертвых, то вряд ли побрезгуют тем, кто «умер» прямо на их глазах.

Но это помогло. Троост, поступивший так исключительно от безысходности, пораженно услышал, как волкоглавы тявкают и порыкивают, но отнюдь не спешат вонзить в него клыки. Один из них наклонился так близко, что Троост почувствовал жар его дыхания, и тщательно обнюхал человека. Другой начал его ощупывать, уделив особенное внимание сапогам. Когти он не выпускал.

Еще немного потявкав, волкоглавы подняли Трооста и куда-то потащили. Дрон-охотник к этому моменту уже вернулся, но Троост приказал ему пока не вмешиваться. Зверолову стало интересно, что произойдет дальше.

Конечно, он сильно рисковал, но ничего не мог с собой поделать. Дух натуралиста был сильнее. Троосту очень хотелось увидеть логово волкоглавов – их семейную жизнь, самок с детенышами. Если для этого нужно прикинуться добычей… что ж, пусть будет так.

Тем более что его подстраховывает дрон-охотник. В случае чего он просто застопит всех…

…бамц!.. дзиньк!..

Эти звуки Троосту совсем не понравились. Он осмелился приоткрыть один глаз и увидел, что на дроне висят два волкоглава. Похоже, прыгнули на него с дерева. Несчастная машина, получившая приказ не вмешиваться, даже не защищалась… и волкоглавы ломали ей манипуляторы!

Троост хотел отменить приказ, но уже не успел. Волкоглав, державший его за плечи, заметил открытый глаз пленника, гневно рявкнул и… ударил его головой о камень!

Сознание померкло, и Троост погрузился в черноту.

Когда он очнулся, вокруг было по-прежнему черно. Зверолов лежал у холодной стены, на куче… похоже, что костей. По всей видимости, волкоглавы притащили его в свое логово, но убить пока не убили. Это не могло не радовать.

Первым делом Троост обратился к дрону-охотнику. Тот не подавал сигналов. Неужели волкоглавы сумели вывести его из строя? В таком случае их следует поздравить: охотник – очень надежная машина, сломать его удавалось немногим.

За всю практику Трооста подобных случаев было только пять, и все это были куда более крупные животные. Одного, например, на Суртуре растоптал бахамут колоссальный – при всей своей прочности дрон-охотник не вынес трехсот тонн

живого веса.

Убедившись, что на дрона рассчитывать нечего, Троост послал SOS на «Нимрод». Он в нескольких словах обрисовал Паку свое положение, велел зафиксировать его координаты и выслать подкрепление. Корабельный мозг не удержался от колкости, но подкрепление, разумеется, выслал.

Однако через пару минут он снова вызвал Трооста и сообщил, что координаты фиксируются с очень большой погрешностью. Спутник вокруг Килимы курсирует всего один, а Троост находится где-то под землей.

Вот флаер он успешно зафиксировал, так что подкрепление отправится туда, а уж на месте попробует сориентироваться. До тех пор Троосту желательно остаться в живых.

Эту задачу Троост и сам планировал выполнить. Его модифицированные глаза уже вполне приспособились к царящему вокруг мраку. Зрачки расширились до предела, зрение частично перешло в инфракрасный диапазон, и Троост мог нормально видеть, что происходит в пещере.

А пещера оказалась воистину огромной. По меньшей мере три тысячи квадратных метров. Через нее протекал ручей, с потолка свисали сталактиты, а вот сталагмитов не было… точнее, были, но все поломанные, превращенные в каменные «пеньки». На некоторых из таких пеньков восседали волкоглавы.

Волкоглавов здесь оказалось около сотни. Три десятка взрослых самцов, примерно столько же самок, десяток стариков обоего пола и куча щенков. Эти резвились в самом центре пещеры – одни плескались в ручье, другие наперегонки гонялись за каким-то грызуном, третьи попросту дрались. Все происходило в полной тишине – лишь изредка кто-то рявкал или взлаивал.

На Трооста пока что не обращали внимания. Он осторожно повертел головой и понял, что лежит то ли в кладовой, то ли прямо на обеденном столе. Большая часть его соседей представляли собой обглоданные скелеты, но были и относительно целые. Почти нетронутая туша оленеподобного создания. Груда крупных рыбин. И даже клыкожор – вроде бы еще дышащий. Троост и не подозревал, что кто-то ими питается.

Изучив огромную пещеру, Троост насчитал девять лазов. Два совсем узкие – волкоглаву явно не пролезть, да и у Трооста не та комплекция. А вот семь остальных активно использовались. Волкоглавы то и дело появлялись из одних и исчезали в других.

Особенно Трооста заинтересовал один ход. Он использовался чаще других, и из него явственно веяло свежим воздухом. Не иначе ведет наружу.

Осталось только каким-то образом проскользнуть мимо стаи клыкастых хищников.

Ничего из вещей Трооста не пропало. Волкоглавы немного порвали комбинезон, пока волокли добычу, но это не страшно, ткань срегенерирует. Главное, что стопер, биоискатель, шумовой генератор и ИГ-пояс на месте.

Теперь, когда волкоглавы спокойны, тревожные сигналы должны будут вывести их из равновесия. Можно уменьшить свой вес до предела, подняться к потолку, распугать зверей ультразвуком и выйти наружу, ориентируясь по биоскателю. Если кто-то бросится – оглушить стопером.

Но пока что Троост продолжал лежать. Ему было очень интересно наблюдать обезьяну-волкоглава в естественных условиях. Потом надо будет просмотреть записи инфа и сделать из них отдельный эпизод для фильма об экспедиции.

Жаль, Троост был без сознания, пока его сюда несли. Инф фиксирует только то, что видит глаз. Можно прослушать звук, но вряд ли рык и вой дадут что-то полезное.

Зато теперь кадры идут просто великолепные. Троост осторожно выпустил из карманов двух дронов-разведчиков – те воспарили под потолок и стали снимать оттуда. Вроде бы волкоглавы ничего не заметили.

Уже через несколько минут Троост стал подмечать признаки развитого социального поведения. У волкоглавов явно существовала сложная иерархия – особо крупный альфа восседал на возвышении, окруженный другими доминантными самцами, а гриву ему расчесывали целых три самки – довольно изящные, с необычайно вытянутыми мордочками. Троост предположил, что с точки зрения волкоглавов это очень привлекательные особи.

В стае оказалось на удивление много стариков. Дикие животные редко задерживаются в преклонном возрасте – травоядные становятся легкой добычей для хищников, а хищники чахнут от голода, не в силах поймать добычу. Но похоже, волкоглавы – настолько успешные хищники, что могут позволить себе выделять часть пищи иждивенцам. Нетипичное явление.

Хотя эти старики вели себя не как иждивенцы. Косматые, со слезящимися глазами, многие уже беззубые, они бродили по всей пещере, отвешивая оплеухи щенкам и задирая самок. Один из них, особенно дряхлый, даже подошел к вожаку, что-то дерзко рявкнул и тот – поразительно! – выставил обнаженное горло в несомненном жесте подчинения.

А после этого началось что-то странное. Еще в самом начале Троост заметил, что большая часть сталагмитов в пещере обломаны. Но было одно исключение – великолепный, огромный сталагмит на возвышении, чуть поодаль от вожака.

Этому сталагмиту не хватало совсем чуть-чуть, чтобы превратиться в сталагнат – промежуток оставался всего в пару сантиметров. Форму он тоже имел диковинную – очень толстый, с шишковидными выпуклостями, бороздами, причудливыми натеками. При богатом воображении его можно было принять за статую – этакая раздобревшая Венера Милосская.

И теперь волкоглавы стали зачем-то собираться вокруг этого почти сталагната. Они расселись кружком, причем ни самок, ни детенышей не допустили – те сгрудились в дальнем углу и пугливо смотрели оттуда.

Наравне с остальными сидел и альфа-самец. А рядом – косматый старик, который на него рычал. Волкоглавы одновременно начали раскачиваться, издавая утробное ворчание, и, когда оно стало особенно громким, старик подошел к сталагмиту и положил у его подножия несколько костей, оторванную голову какого-то копытного и большой, жирный кусок мяса. Сделав это, старик вернулся в общий круг.

После него к сталагмиту потянулись другие. Волкоглавы по очереди вставали, клали в растущую кучу кусок мяса, лоскут шкуры или чей-нибудь череп и снова садились. Остальные продолжали раскачиваться и размеренно ворчать.

Троост наблюдал за этим очень внимательно. Он начал догадываться, что тут происходит. И когда окончательно перестал сомневаться, то поднялся на ноги и тоже подошел к сталагмиту.

Волкоглавы сначала даже ничего не поняли. Но после того, как Троост положил в общую груду бутерброд с ветчиной, они резко замолкли и уставились на него. Косматый старик вскочил с места, подбежал к сталагмиту, схватил бутерброд и внимательно его обнюхал. Обнюхав – положил обратно и пораженно приоткрыл пасть.

А Троост спокойно уселся рядом с вожаком и тоже принялся раскачиваться, издавая ворчание. Получалось не очень похоже, но он старался изо всех сил.

На лесной поляне стояли три флаера. Один из лесничества и два с «Нимрода». Урс Таркас внимательно изучал флаер, на котором прилетел Троост, но следов его самого не находил. Иржичкова осматривала грузовой отсек – там висел силовой пузырь с запакованным в нем волкоглавом. Ужасный хищник скалил клыки и время от времени пробовал вонзить в стенку когти. В глазах зверя плескалось бешенство.

Люди из лесничества сканировали местность. Зоолог, интендант и пилот разбрелись по всей поляне, пытаясь поймать сигнал пропавшего зверолова. Тот несомненно был еще жив, инф работал исправно, но на прямой вызов выплывало сообщение: «ЗАНЯТ. ПРОШУ НЕ ОТВЛЕКАТЬ».

Таркас уже активировал дрона-охотника, оснащенного системой «следопыт», и собирался отправляться на поиски, когда раздвинулись кусты и Троост невозмутимо вышел на поляну.

Но не один. Бок о бок с ним ковыляли два волкоглава. При ходьбе они опирались на передние лапы, что делало их похожими на горилл-оборотней. На людей оба хищника смотрели настороженно, с опаской, однако не убегали и не бросались.

– Шеф, с вами все в порядке! – облегченно воскликнула Иржичкова.

– В порядке, – кивнул Троост. – Позвольте представить моих новых знакомых. Это Аахр, а это Ыагр. Старший охотник и младший шаман племени Ускуллах.

Эти слова оглушили всех не хуже тяжелого стопера. Несколько секунд все только и могли, что молча таращиться на Трооста и его спутников.

– Честно говоря, я не уверен, что их имена произносятся именно так, – спокойно продолжил зверолов. – Их язык весьма труден для человеческой гортани. Я уже выучил полтора десятка слов, но в основном мы объяснялись жестами.

– Троост, вы… вы не шутите?.. – выдавил из себя зоолог. – Они в самом деле… э… в самом деле?..

– О да, вне всякого сомнения. Кстати, должен вас поблагодарить – мне очень помог ваш совет. У них, оказывается, есть своеобразный кодекс, декларирующий правила охоты. И одно из первостепенных правил – запрещено убивать спящих. Даже опасных хищников… каковым они посчитали и меня после того, как я взял в плен сына вождя. Да, Иржичкова, не могли бы вы его выпустить? Я бы хотел перед ним извиниться.

– Да, конечно! – метнулась к флаеру Иржичкова. – Кстати, шеф, я выяснила, что ест волосатая жаба!

– О-о?.. – заинтересовался Троост.

– Орехи, оказывается!

– Орехи?.. Но они же вододышащие!

– Ага! Но они, оказывается, вылезают за ними на сушу! Представляете?

– Вот уж никогда бы не подумал… – развел руками Троост.

Выбравшись из силового пузыря, Ынграхр, старший сын и наследник могучего вождя Ыыка, был вне себя от злости. Потребовалось немало времени, чтобы он успокоился и согласился принять извинения безволосых чужестранцев с плоскими лицами.

– Поразительно, – пробормотал зоолог, обмениваясь с шаманом Ыагром ритуальным обнюхиванием. – Невероятно. Троост, как же вы догадались, что они разумны? Я наблюдал за ними достаточно долго, но не заметил никаких признаков…

– А-а-а!.. – довольно хмыкнул Троост. – Тут занятная история… Скажите – какие вы можете назвать признаки наличия интеллекта?

– Ну… В этом я не специалист, но, полагаю, общение… орудия труда… сельское хозяйство…

– Верно, однако все это встречается и у животных. Высокоразвитые животные способны худо-бедно общаться и использовать примитивные орудия. Некоторые даже умеют их изготавливать, хотя и всегда по одному и тому же, продиктованному инстинктом шаблону. Ну а сельское хозяйство… вспомните хотя бы муравьев.

– Строительство?.. – предположил зоолог.

– Ну что вы. Птицы, бобры, сорные куры, многочисленные норные животные, да и снова те же муравьи. А вспомните мирмеков с Ахилла – их постройки поначалу приняли за города высокоразвитой цивилизации.

– Творчество?.. Наскальная живопись там, музыка…

– Отнюдь. Это у животных тоже встречается, хотя и в очень примитивной форме.

– Войны?..

– Муравьи, термиты и шимпанзе ведут войны. Самые настоящие.

– Одежда?..

– Нам известно семнадцать разумных видов, не считая людей. Одежду из них носят только пять. Считая людей – шесть. В то же время существуют неразумные жизненные формы, которые украшают или маскируют себя подобием одежды.

Так что это не показатель.

– Э-эм… Геометрия?.. Теорема Пифагора?.. – начал отчаиваться зоолог.

– Ну, дорогой мой, вы еще квантовой физики потребуйте, – хмыкнул Троост. – Конечно, геометрия и вообще науки – безусловный признак разума, но до появления первых ученых человек же не был животным.

– Тогда я сдаюсь.

– Да, действительно, граница между животным и разумным существом очень размыта. Невозможно точно сказать, где кончается одно и начинается другое. Однако существует все же одна вещь, которая имеется у всех разумных существ и отсутствует у всех животных. Без исключений. И именно ее я и обнаружил у волкоглавов…

– И что же это такое?..

– Религия. Ни на Земле, ни на других планетах не было найдено ни одного племени, ни одного народа, у которого не было бы той или иной религии, философии или некой системы ценностей. Животное становится разумным существом, когда начинает искать смысл жизни…

История вторая

Призрак торфяных болот

«Нимрод» вышел из гиперпространства 12.02.66, 23:55 UT. Маартен Троост в этот момент лежал в своей каюте и смотрел новый виртсон Алена Брюне.

Зверолов высоко ценил творения этого мастера. Фантасмагорические видения, состоящие из перетекающих друг в друга образов, отрицания всех законов физики и произвольных, совершенно непредсказуемых событий. В своем жанре Брюне неподражаем. Только он сумел передать весь дух таких великолепных абсурдных сказок, как «Алиса в Стране чудес», «Вакханалия до минор» и

«Каадыбр».

Жаль, в этот раз досмотреть не удалось. Виртсны нежелательно прерывать на середине – эффект смазывается, погружение утрачивает полноту. А Брюне короткометражками не занимался – только полноценные шестичасовые сеансы в четыре акта.

Троост полагал, что у него еще есть два-три часа, но он ошибся. На краю восприятия только что появилось сообщение от Пака – «Нимрод» приближается к планете.

Амфитрита. В прошлом году ее уже посещал корабль-зверолов, но то был «Пеллес», специализирующийся на водных жизнеформах. На Амфитрите преобладают именно таковые – все-таки девяносто пять процентов поверхности покрыто водой. Однако остаются еще пять процентов – сотни тысяч островов, от крошечных коралловых рифов до гигантов размером почти с Гренландию. И они тоже очень богаты фауной, за которой сегодня и явился «Нимрод».

Амфитрита стала второй живой планетой, открытой землянами. Экипаж «Фернана Магеллана» назвал находку в честь греческой богини морей – и это неожиданно вызвало долгие споры среди ученых. В Солнечной Системе ведь уже есть астероид Амфитрита – допустимо ли давать другой планете занятое название?

В конце концов было решено, что допустимо. Астероидов сотни тысяч, из них десятки тысяч имеют имена собственные – что ни возьми, все уже занято, уже принадлежит какой-нибудь каменной или ледяной глыбе. Ну и как прикажете называть экзопланеты? Звездным кодом? Звездный код Амфитриты – HD 69830 d, астрономы открыли ее еще в двадцать первом веке. И для астрономических таблиц это подходящее название, но для обиходного употребления…

Корабль совершил три витка вокруг планеты, пока Троост присматривался, подбирал наилучшее место для посадки. Внизу царила сплошная синь, лишь кое-где разбавленная зелеными пятнышками.

Те острова, что расположены вдалеке от остальных, Троост отвергал сразу же. Уединенные клочки земли редко отличаются видовым разнообразием. Гораздо

привлекательнее выглядят архипелаги, в особенности крупнейший, Новая Атлантида. Ее четыре огромных острова составляют почти половину всей мировой суши. Плюс несметное множество мелких островков, созвездиями рассыпанных вокруг основных.

Обдумав все как следует, Троост выбрал Новую Новую Гвинею. Не самый большой остров в четверке, зато почти не заселенный. Там «Нимрод» никому не помешает.

В отличие от Килимы, Суртура и Ахилла, на которых Троост работал до этого, человеческое население Амфитриты не ограничено планетарным лесничеством. Амфитрита – звездная колония, и на ней живет триста пятьдесят тысяч землян. Большая часть – на островах Новой Атлантиды.

За последние двести лет было основано шестьдесят три звездных колонии. Из них сорок одна – сырьевые, расположенные на безжизненных планетах, богатых редкоземельными металлами или иными ценными ресурсами. Это скорее шахтерские городки, чем полноценные колонии – население редко превышает несколько сотен, и большинство жителей – постоянно сменяющиеся контрактники.

Взять хоть Мидас – планету, сказочно богатую благородными металлами. Золота там больше, чем на Земле глины, серебра не настолько много, но тоже порядочно. Конечно же там расположена сырьевая колония, причем крупнейшая из всех – почти десять тысяч человек.

Когда Мидас открыли, туда поначалу ринулась куча народу. Началась самая настоящая золотая лихорадка… но почти сразу же и закончилась. До всех быстро дошло, что, если золото можно добывать тоннами, оно больше не годится на роль драгоценности. Стоимость благородных металлов резко упала, что породило даже небольшой финансовый кризис.

Лишь двадцать две колонии являются переселенческими, расположенными на живых планетах. Земля давно уже не испытывает проблем с демографией, места хватает всем, голодающих нет, ресурсов и энергии переизбыток, так что колониализм практически утратил смысл.

Общее население всех звездных колоний, вместе взятых, лишь чуть превышает сорок миллионов человек – из них немалую часть составляют ученые, исследователи, шахтеры, а также технический и обслуживающий персонал. Примерно пятнадцать миллионов живет в старейшей и крупнейшей колонии – Новом Эдеме. Еще по пять миллионов приходится на Авалон и Хель, три – на Кристаллиду, два – на Протей.

Приземлившись и оборудовав экспедиционную базу, Троост отправился в столицу – поприветствовать губернатора колонии. Тот очень заинтересовался прибытием корабля-зверолова и пожелал непременно лично встретиться с его капитаном.

Облачившись в свой обычный желтый комбинезон, Троост поднял в небо флаер. Амфитрита – очень молодая колония, и телепорт-сеть здесь еще только монтируется. На сегодняшний день она состоит всего из двух дюжин точек и соединяет в основном отдаленные поселения.

А на Новой Новой Гвинее поселение всего одно – сеть рисовых плантаций в южной части острова. Там выращивают генно-модифицированный рис сортотипа Кайсу Ха Мэйвэй – очень богат белками и дает по шесть урожаев в год. Людей всего несколько десятков – большую часть работ выполняют сельскохозяйственные дроны. Порт-кабина есть, но глупо будет лететь на ферму, только чтобы сэкономить десять-двенадцать минут. У Трооста впереди еще три месяца экспедиции.

Столица Амфитриты напоминала пасторальный европейский городок двадцать третьего века. Пятьдесят тысяч жителей, дома почти все трехэтажные, а над улицами косяками парят флаеры. В Солнечной Системе такого не увидишь – там на каждом углу порт-кабины, а по воздуху летают в основном штальфогели, спортсмены, флайтуристы и те, кому флаер необходим по роду занятий. Как вот Троосту.

Погода была прекрасной, а до резиденции губернатора – всего пара километров. Так что Троост посадил флаер на крыше одного из домов, убедился, что он никому здесь не помешает, и дальше двинулся пешком. На Амфитрите он раньше не бывал и теперь с интересом изучал виды.

Было жарко и влажно. Климат Новой Атлантиды примерно соответствует Карибскому бассейну, поэтому силовых куполов над городами нет – только кондиционирующие установки. ИГ-пояс включать тоже не нужно – сила тяжести на Амфитрите равна 0,98 g. Разница совершенно не ощущается.

Дома утопали в зелени. По стенам вились местные ползучие растения, похожие на сочный плющ. Вокруг тянулись деревянные террасы с резными крышами. Посреди улицы играли чумазые детишки – они кидались друг в друга комками грязи и счастливо визжали. Один даже нечаянно угодил в Трооста – целых пять минут плечо зверолова украшало бурое пятно, пока комбинезон не растворил постороннюю субстанцию.

Под ногами то и дело проскальзывали небольшие зверьки, похожие на разноцветные комки меха с десятком черных глаз. Они подпрыгивали, как резиновые мячики, издавали звенящий писк и нисколько не пугались людей. Судя по тому, что прохожие тоже не обращали на них внимания, эти создания здесь занимали нишу воробьев и голубей. Инф сообщил, что их местное название – мышканчики.

Троост наклонился и протянул руку – ближайший мышканчик тут же подскочил и тщательно обнюхал ее. За ним второй, третий. Они оказались ужасно любопытными… или надеялись на угощение. Но если не считать двух плиток концентрата, ничего съедобного у Трооста не было… кстати, не мешало бы подкрепиться.

Рядом как раз находилось небольшое кафе под открытым небом. Посетителей почти не было – только на одной скамейке устроилась молодая пара. Девушка мирно лежала у парня на коленях, а тот читал ей вслух. Судя по расставленным пальцам, в руках он «держал» допреальную книгу.

Троост уселся за ближайший столик, и в инфе тут же всплыло меню. Не очень большое, в основном блюда из рыбы и риса. У стены стоял огромный биорепликатор, но если бы Троост хотел синтезированной пищи, он бы поел на «Нимроде».

Нет, он предпочитал приготовленное вручную. В настоящей печи, из настоящих выращенных растений и настоящего клонированного мяса. А то, что выдает репликатор… ну, это ведь просто составленные в нужном порядке молекулы.

Аппетитно, питательно, но теплый микроволновый вкус совершенно отсутствует…

Троост выбрал салат с водорослями, суп из акульего плавника и рисовую запеканку с ивовым сиропом. Через десять минут у стола появился официант, бесшумно поставивший поднос с заказом. Он осведомился, все ли правильно, и так же бесшумно исчез.

Троост одобрительно посмотрел ему вслед. Во многих заведениях сейчас пищу разносят дроны, но живое обслуживание все же как-то приятнее. В конце концов, ресторан – это культурное заведение, а не только место для приема пищи. Просто поесть можно дома или в быстропите, биорепликатор создаст любое блюдо. А ресторан… нет, в ресторане должны работать живые люди.

Прадедушка Трооста рассказывал, что во времена его юности повсюду были андроиды. В прошлом человечество ими очень увлекалось, внедряя буквально во все сферы деятельности. Роботы-слуги, роботы-официанты, роботы-кассиры, роботы-пилоты… Потом эта мода схлынула, и стало очевидно, что делать роботов человекоподобными нет никакого смысла, а кое-где они и вовсе не нужны.

Зачем, например, человеку слуга? У человека есть две руки. Мало – пришей себе еще две, это недорого. Можно биологические, можно кибернетические.

Троост когда-то даже подумывал это сделать, но потом решил ограничиться уплотненными мышцами. Полезный модификант. Больше физической силы при том же объеме тела.

Уплетая салат, Троост просматривал местные новости. Обычная провинциальная рутина – закончился карнавал, отмечено пятнадцать лет со дня основания колонии, открыт второй космодром, проводятся мероприятия по борьбе с местным карантинным растением… Троост с удовольствием прочитал и о том, что на планете начинает работать корабль-зверолов.

Однако кое-что его смутило. В ленте с неприятной регулярностью повторялось сообщение «такой-то гражданин стал жертвой неизвестного животного». Задав поиск, Троост обнаружил, что подобных случаев уже тринадцать. Везде один и тот же почерк – загадочный хищник обгладывает жертву до костей, не оставляя

никаких следов. Началось это три месяца назад, и виновник до сих пор не найден.

Трооста это озадачило. Конечно, животный мир Амфитриты изучен еще далеко не полностью, но зверь, способный убить и съесть человека целиком, должен быть довольно крупным. Каким же образом он ухитряется так долго оставаться незамеченным?

Не невидимый ведь он, в самом деле.

Закончив обедать, Троост оплатил счет и не спеша двинулся дальше. Солнце поднялось к зениту, стало еще жарче, и прохожие с улиц совсем исчезли. На Амфитрите практиковалась полуденная сиеста, когда все дремали на прохладных террасах.

Троост же просто включил охлаждение в климат-контролере, и по коже заструился освежающий ветерок. Полезный все-таки прибор. На Суртуре Троост только им и спасался – там температура даже на полюсах не падает ниже +70 по Цельсию. Огненные реки, вулканы, моря жидкой лавы… и среди всего этого растут и бродят совершенно удивительные формы жизни.

А на Амфитрите практически курорт. Немного жарковато, немного влажно, немного штормит… но сложно ожидать иного от планеты, на девятнадцать двадцатых покрытой водой.

Резиденция губернатора расположилась на холме, откуда просматривался весь город. Подъем оказался несколько крутоват, но параллельно мраморной лестнице работал эскалатор. Он был спроектирован так, чтобы с восхождением раскрывалась и панорама.

Губернатор принял Трооста на балконе. Первым делом он налил гостю ароматного фруктового вина, а только уж потом предложил сесть. По фигуре было видно, что Мпанде Мбуяни большой сибарит и гурман – этот чернокожий великан весил по меньшей мере двести килограммов.

Под столом весело резвились все те же разноцветные мышканчики. Красный, желтый, розовый, оранжевый… точно детские игрушки. Два из них с любопытством обнюхали гостя, издали звенящий писк и прыгнули на колени

губернатору. Тот протянул им пухлую ладонь с горсточкой вареного риса.

– Смешные, правда? – осклабился Мбуяни, глядя, как мышканчики втягивают рисинки. – У вас в зоопарке они есть?

– Есть, – кивнул Троост. – Всего парочка, правда. Прихвачу несколько штук, если место останется.

– О, можете взять прямо этих! – протянул зверьков губернатор. – У меня их тут штук сто! Так и лезут под ноги! Я сначала их шугал – все боялся, что наступлю! – а потом таки наступил на одного… хо! Хо-хо! Испугался, что раздавил, а ему хоть бы хны! Они эластичные, как резиновые мячики!

Заметив, что бокал Трооста уже пуст, Мбуяни тут же снова его наполнил и принялся с интересом расспрашивать о работе гостя. Видно было, что делами губернатор не перегружен и посетители у него бывают нечасто.

– Да вообще никто не приходит! – пожаловался он. – Все через инф, через инф… а лично зайти всем некогда. Вчера за весь день всего два живых посетителя. А сегодня так вы вообще единственный… вы не торопитесь, надеюсь?.. Ох, одну минуточку, тут у меня с мостом что-то…

Глаза Мбуяни словно задернулись серебристыми шторками. Рот беззвучно зашевелился, и Троост деликатно отвернулся. Невежливо таращиться на человека, когда он с кем-то разговаривает.

– Ну вот и все, – вернулся в реальность Мбуяни. – Простите, что заставил ждать. На строительстве небольшой форс-мажор…

– Мост строите? – полюбопытствовал Троост.

– Да, гравитационный. Хотим, знаете, соединить основные острова грузовым монорельсом. Колония-то растет понемногу…

– Дело хорошее, – согласился Троост. – А вы давно в этой должности?

– Пятый год. Я вообще старый колонист. Родился и вырос в колонии…

– Подождите, но вы не могли здесь родиться, – возразил Троост. – Амфитрите как колонии всего пятнадцать лет.

– А разве я что-то сказал про Амфитриту? – хмыкнул Мбуяни. – Я родом с Тетиса. Мы с женой и детьми переселились сюда после… ну, вы знаете.

Троост сочувственно кивнул. Да, эту историю все знают. Тетис – единственная провалившаяся колония. Она была основана еще в конце двадцать четвертого века и успешно просуществовала почти пятьдесят лет… пока не всплыло непредвиденное обстоятельство.

Считалось, что в звездной системе Тетиса девять планет, но потом обнаружилась десятая, неучтенная. С крайне иррегулярной орбитой, она раз в восемьдесят лет проходила предельно близко к Тетису. Как и Амфитрита, Тетис по большей части покрыт водой – и при сближении с этой планетой-бродягой на нем начинались чудовищные цунами и моретрясения. Наступало что-то вроде Великого Потопа – через каждые восемьдесят лет.

Конечно, это не преграда, люди живут и в куда более трудных условиях. Меркурий, пояс Койпера, даже газовые океаны Юпитера и Сатурна – все они могут похвастаться миллионами жителей. Но вот на Тетисе как-то не сложилось. Большая часть колонистов стала покидать планету – возвращаться на Землю или переселяться на другие колонии. Пять лет назад Тетис был вычеркнут из списка земных колоний, и теперь там только научно-исследовательские станции.

– Если быть совсем уж точным, сначала мы переселились на Ниобу, – продолжал рассказывать Мбуяни. – Десять лет там прожили. Но там все было не то, неуютно было. Очень уж привык к морскому воздуху. И когда мне предложили работу на Амфитрите, я сразу согласился. Сначала был заместителем губернатора, а потом он вышел в отставку, уехал на Землю, я пошел на повышение… ох, еще минуточку подождите…

Губернатор снова «нырнул» в инфосеть. Троост воспользовался моментом и тоже связался с «Нимродом», проверил, как там дела. Все шло нормально, дроны исправно доставляли добычу, Иржичкова и Эмекун ее принимали, Таркас играл в го с Паком… присутствие капитана не требовалось.

– Еще раз извиняюсь, – вернулся в реал Мбуяни. Его лицо заметно помрачнело. – Опять, знаете, нашли… четырнадцатый уже…

– Снова неизвестный людоед? – проявил осведомленность Троост.

– Читали наши новости? Да, вот такая у нас тут проблема объявилась… – вздохнул Мбуяни. – Кушает кто-то колонистов… Хотя вы зверолов, вы с таким часто сталкиваетесь, наверное…

– Нет, как раз очень редко, – покачал головой Троост. – Опасности моей работы сильно преувеличены. Понимаете, большинство хищников предпочитает привычную добычу, от которой знает, чего ожидать. На непонятное двуногое существо, пахнущее чем-то странным, зверь нападет, только если умирает с голоду, страдает психическим заболеванием типа бешенства или защищает детенышей, самку, гнездо… Однако в случае защиты он почти наверняка предпочтет прогнать неприятеля, а не атаковать.

– В самом деле?.. – удивился Мбуяни.

– Бывают и исключения, конечно. Встречаются неразборчивые хищники, которые тащат в рот все что попало. И, конечно, ядовитые змеи, насекомые… На кого-нибудь из них можно просто наступить. Но вообще инопланетные джунгли ненамного опаснее земных.

– Я знаю по крайней мере четырнадцать человек, которые с вами не согласятся, – вздохнул Мбуяни. – Уж не знаю, умирает ли эта тварь с голоду или защищает свое гнездо, но колонистов она обгладывает без особого смущения… Представляете, на прошлой неделе скелет нашли в городе! Там, правда, одно название, что город – всего-то пара сотен жителей… но сам факт! Прямо посреди улицы! Эта тварь все больше наглеет, а мы понятия не имеем, что это вообще за существо!

– И никаких подозрений? – нахмурился Троост.

– Никаких. Понимаете, большая часть фауны Амфитриты – морская. Там, в глубинах, действительно полно хищников, в том числе и очень крупных. Есть такие, которые могут проглотить целиком звездолет…

– Да, я слышал об амфитритских левиафанах. В прошлом году моя коллега Долохова пыталась привезти такого на Венеру, но…

– …Но на ее корабле он не поместился. Я хорошо помню ту кутерьму. Полгорода сбежалось посмотреть, как она вытягивала из океана ту громаду…

– А на суше, значит, хищников нет? – задумчиво протянул Троост.

– Отчего же, есть. Только мелкие. Самый крупный размером с лабрадора и питается грызунами.

– А крупные травоядные на суше водятся?

– Да, несколько видов.

– Какого размера самый крупный?

– Хм-хм… С лошадь примерно.

– В таком случае должны быть и крупные хищники. В экосистемах редко встречаются пустующие ниши.

– Да это мы и сами понимаем. Людей же кто-то ест. Но в том-то и проблема, что мы никак не можем этого хищника найти! Ну вот совсем никак! Такое ощущение, что это какой-то призрак! Ищем, ищем, а все без толку…

Троост задумчиво отхлебнул еще вина. Перед его глазами не переставали плавать субэкраны инфа – он просматривал бестиарий Амфитриты, ища подозреваемых среди многочисленных образчиков фауны…

– Скажите, а нападения происходили рядом с водой? – осторожно предположил он. – А то, может быть…

– Тоже на зверозубую акулу подумали? – осклабился Мбуяни. – Да, ее мы заподозрили в первую очередь. Тем более что первые два нападения действительно произошли достаточно близко от моря.

Троост кивнул, отдавая должное догадливости собеседника. В самом деле, зверозубая акула – самый логичный кандидат. Крупное, хищное и очень необычное животное. Поверхность ее живота устроена подобно воздушной подушке, благодаря чему зверозубая акула способна выныривать из воды, передвигаясь по мелководью, и даже «заплывать» на сушу. Однако дышит она все равно жабрами, поэтому из воды выбирается на несколько минут, не больше.

– Нет, зверозубая акула тут ни при чем, – помотал головой Мбуяни. – Она часто нападает на сухопутных животных – но только рядом с водой. Дальше чем на сотню метров от побережья «отплыть» не может – просто задохнется. А большинство нападений произошло гораздо дальше. Чаще всего на болотах или поблизости от них. К тому же зверозубая акула пожирает добычу целиком, с костями. А у нас тут обглоданные скелеты…

Троост еще раз пробежался по бестиарию. Нет, совершенно никого подходящего. Зверозубая акула охотится только на побережье, песец Реозюра слишком мелок, гриф-поползень предпочитает падаль и тоже вряд ли сумеет справиться с человеком. На Новой Новой Гвинее водятся смертельно ядовитые черные крайты, но никаких токсинов в останках не найдено. К тому же черный крайт весит от пяти до десяти килограммов – где уж ему умять столько мяса…

Кем бы ни было это таинственное чудовище, открыть его еще только предстоит.

– Ну что ж, удачи вам в охоте, – вздохнул Мбуяни, прощаясь с Троостом. – Будете на болотах – глядите в оба, а то мало ли что… И кстати, если не секрет… а почему вы носите желтое? Разве это не слишком заметный цвет для охотника?

– Так это же именно то самое, о чем мы говорили, – заметил Троост. – Когда я в засаде, перевожу комбинезон на хамелеоновый режим или даже набрасываю оптоволоконную сеть. А в остальное время желтый цвет уменьшает вероятность того, что на меня кто-нибудь нападет.

– Правда?.. – удивился Мбуяни. – Как?.. Он же яркий – издалека всем видно.

– В том-то и дело. Желтый цвет, будучи наиболее ярким в спектре, чаще всего используется в качестве предупреждающего. Желтое или красное животное как бы сообщает – не тронь меня, я опасное, ядовитое, несъедобное! Конечно, на разных планетах приоритеты разные, многие хищники это игнорируют, а то и

вовсе не различают цветов, но тем не менее среди всех прочих такой окрас наиболее безопасен.

Вернувшись на «Нимрод», Троост продолжал ломать голову над загадкой. Он поднял биологические сводки за все годы существования колонии и даже более старые – с тех лет, когда здесь еще было только планетарное лесничество. Он изучал накопленные наблюдения, просматривал фотографии и видеозаписи, задал подробный поиск по спутниковым картам… и постепенно следы чудовища начинали проступать.

Оказывается, оно проявляло себя и раньше. Зафиксировано по крайней мере тридцать четыре случая, когда на островах находили обглоданные скелеты местных животных. Просто на это никто не обращал внимания, потому что… ну, это нормальное явление.

В дикой природе всегда ведь кто-то кого-то ест. Если убит человек – это попадает в новости. Если убито животное – это в лучшем случае будет упомянуто в отчете натуралиста, который стал тому свидетелем.

А скорее всего, никто и вовсе никогда об этом не узнает.

Троост отметил на карте все появления чудовища и составил пространственно-временной график. Судя по нему, зверь предпочитал торфяные болота и заливные луга, любил низменности и избегал возвышенностей, временами посещал побережья, охотился обычно на рассвете или в сумерках…

Но больше всего Трооста заинтересовало то, что три скелета были найдены почти в одном и том же месте. В Морисовой трясине. Впрочем, трясиной она только называется, а на деле это просто болотистая местность. И обглоданные скелеты там видели трижды, хотя и не людей, а животных. Первый раз – еще до основания колонии, второй – пять лет назад, третий – в прошлом году.

Никто не сопоставил эти случаи, а зря. Они несомненно доказывают, что Морисова трясина – любимые охотничьи угодья чудовища. Именно там его и надо искать.

Придя к такому выводу, Троост уже на следующий день отправился охотиться. Он прихватил целых двадцать дронов-разведчиков и двух дронов-охотников – не

стоит недооценивать зверя, что обгладывает людей до костей.

Но первый день прошел впустую. Разведчики рассредоточились по окрестностям, однако не так-то просто держать под наблюдением территорию почти в двести квадратных километров. Троост всю ночь и все утро просидел в засаде, а когда солнце поднялось к зениту, один из разведчиков обнаружил обглоданный скелет крупного зверя.

Стало ясно, что Троост на правильном пути. Надо просто запастись терпением и продолжать ждать. Зверолов вызвал с «Нимрода» еще десять дронов-разведчиков и равномерно распределил их по всей трясине. Теперь каждый крейсировал по своему маршруту, непрерывно снимая и сканируя окрестности. Троост же сидел в самом центре, как паук в своей паутине, и ждал…

Трясина кишела гнусом, поэтому Троост старался не вылезать из флаера. Шумовой генератор он включать не мог – мошку-то «тревожный» ультразвук разгонит, но ведь и чудовище тоже может отпугнуть. Поэтому Троост сидел под затемненным силовым колпаком, жевал бутерброды с ветчиной и следил за тридцатью субэкранами одновременно.

Морисова трясина образовалась в понижении речной долины. Здесь вода застаивалась, пропитывала землю, но и довольно быстро испарялась, поэтому в озеро превратиться не могла. Почва отличалась неровностью, везде были бугры и кочки, на которых торчали кривые деревца, обвитые лозами амфитритского хмеля.

Днем трясина была погружена в сонное оцепенение. Все прятались от жары. Только жалящие опахала, напротив, вышли из ночной дремоты и теперь бродили по болоту, расставив свои гигантские листья веером.

Троост наметил прихватить пяток жалящих опахал для зоопарка. Эти создания похожи на растения, но на самом деле это животные, хотя и фототрофные. Подобно растениям, они поглощают солнечный свет, но обладают мышцами и примитивной нервной системой. Их большие липкие щупальца постоянно движутся, медленно перемещая жалящее опахало по жидкой грязи в поисках места, где солнца особенно много.

Время от времени то одно, то другое опахало падает, точно срубленное дровосеком. Их подгрызают грязеподы – одно из самых распространенных животных Амфитриты. Это гигантские амфибии размером с крупную свинью и похожи на несуразный, плоскоголовый гибрид броненосца и лягушки. Подобно бобрам, грязеподы создают широкую сеть плотин и лагун, живя большими общинами.

Грязеподы всеядны. Болотные растения, черви, насекомые, мясистые стебли жалящих опахал… Если на зуб попадется мелкий грызун или рыбешка, грязепод и этим не побрезгует. На одном из субэкранов Троост с интересом наблюдал, как детеныш грязепода поймал мышканчика и долго муслякал его, как круглую мармеладину.

Начался и закончился второй день сидения в засаде. Пошел третий. Дроны нашли еще одного обглоданного до костей грязепода, так что чудовище явно где-то здесь… но засечь его самого никак не удавалось. Троост велел разведчикам обшарить болота, но там ничего интересного не нашлось. Глубина редко где превышала метр – вряд ли ужасный и опасный монстр смог бы долго прятаться в таких лужицах.

Час шел за часом. Троост по-прежнему не покидал флаера. Он вылез только один раз – когда закончилась пищевая заправка. Зверолов срезал несколько палок болотного камыша, отправил их в приемник биорепликатора и через несколько минут уже уписывал жареные пельмешки гёдза. Вкус у них был не безупречный – для синтезирования полноценного мяса в камыше не хватало минеральных веществ, – но вполне приемлемый.

Другой бы уже отчаялся. Но Маартен Троост отличался терпеливостью удава. Он мог сутками сидеть неподвижно, ожидая, пока раскроется какой-нибудь цветок или вылупится птенец. Однажды он три недели провел на дрейфующей льдине, питаясь только сырой рыбой, сухим витаминным концентратом и опресненной водой. Но он успешно доказал, что морской зубр с Протея осуществляет копуляцию на льду, а не под водой, как считалось до того.

В конце концов и здесь Троост дождался результатов. Это произошло на закате третьего дня. От нечего делать он смотрел на одном из субэкранов старинное двумерное кино, когда кое-что привлекло его внимание. Другой субэкран. На нем вроде бы и не происходило ничего особенного, но Троост сразу сделал стойку, точно гончая.

– Приблизить! – от волнения приказал вслух он, хотя требовалось лишь мысленное усилие.

Видимость была скверной. Сгустился сильный туман, жалящие опахала широко раскинули листья, пытаясь уловить хоть толику заходящего солнца. По жидкой грязи, примерно в трех километрах от флаера, шлепал крупный грязепод-самец. Видимо, бирюк, живущий отдельно от общины.

Троост не мог с уверенностью сказать, что его так заинтересовало. Какая-то рябь на воде, шевеление… чуть слышный звук, похожий на хоровой звенящий писк…

Но он не ошибся. Вода вдруг резко забурлила, а в следующий миг прямо из ниоткуда, как будто из-под земли выметнулось… нечто! Веретенообразное извивающееся чудовище, похожее на бешено вращающийся волчок! Оно резко навалилось на грязепода, подмяло его под себя… и исчезло. Остался только труп жертвы.

Плоть медленно сползала с костей. А вода вокруг бурлила, бурлила… но все тише и тише…

И этот звенящий писк…

Досматривал Троост уже в воздухе. Он вызвал в инфе панель управления флаером и погнал его к месту событий. Собственно, он все уже понял, но осталось уточнить некоторые детали…

Стоял жаркий полдень, когда Маартен Троост вошел к губернатору. Тот уже слышал, что заезжий зверолов что-то отыскал, но еще не знал подробностей и изнывал от любопытства.

А Троост, как нарочно, не торопился. Он повертел головой, заметил большую стеклянную вазу с фруктами, невозмутимо опорожнил ее, отправив при этом два абрикоса в рот, и поставил посреди стола. Мбуяни смотрел на это терпеливо, но с некоторым недоумением.

Так же невозмутимо Троост стерилизовал вазу биогелем и жестом фокусника извлек из небольшого силового контейнера… мышканчика.

– Вот он – ваш призрак торфяных болот, – улыбнулся зверолов, от души наслаждаясь ошарашенным видом губернатора.

– Э-э… а-а… объяснитесь, Троост, – попросил Мбуяни.

– Я лучше покажу, – засучил рукава зверолов.

Заученными движениями он застопил попискивающего зверька, активировал силовые перчатки и достал униор. Мгновенно откликнувшись на мысль владельца, стержень из «умного» металла трансформировался в тончайший, острейший скальпель. Этим скальпелем Троост и рассек мышканчика точно посередине – распахал на две аккуратные половинки, точно спелое яблоко.

– А теперь взгляните сюда, – попросил он, указывая на небольшой мешочек в центре.

Мбуяни наклонился и некоторое время рассматривал коричневатую скользкую массу. Он не очень-то разбирался в анатомии и не видел в этом ничего особенного.

– Что это? – наконец спросил он.

– Мясо. Частично переваренное мясо.

– Человеческое?!

– Нет, всего лишь грязепода. Но на людей это существо охотится точно так же.

– Но… но как?!

– Очень необычный биологический механизм. Его можно назвать коллективным хищником. Испытывая голод, мышканчики собираются большими группами и… сливаются в единое целое! Совсем ненадолго – ровно настолько, чтобы убить жертву.

– Но… но как?! – только и смог повторить Мбуяни.

– Как конкретно этот механизм действует, еще только предстоит выяснить. Но судя по тому, что я уже увидел, эта их «шерсть» – вовсе не шерсть. Это миллионы подвижных жгутиков, которые способны «склеиваться» с жгутиками сородичей. Происходит это потрясающе быстро. И «склеившись», несколько тысяч этих безобидных крох образуют весьма жуткое и прожорливое создание. Оно подминает жертву под себя, мгновенно убивает, впрыскивает токсин, растворяющий плоть, после чего вновь распадается на тысячи отдельных зверушек, которые и приступают к трапезе.

Мбуяни ошалело посмотрел на двух мышканчиков, сидящих у него на коленях, и рефлекторно сбросил их на пол. Желтый и розовый комки меха обиженно запищали.

– Полагаю, по отдельности они совершенно безвредны, – заметил Троост, беря одного из них в руку. – В обычном состоянии они питаются насекомыми… или вареным рисом. Хищничество для них – не только и не столько способ пропитания, сколько защитный механизм. Те же грязеподы и сами не отказываются отведать мышканчика-другого.

– А люди…

– Полагаю, поначалу они просто не обращали внимания на каких-то странных двуногих. Как я уже говорил, хищники обычно не нападают на незнакомую добычу. Но прошли годы, хищник привык к человеческому присутствию и понемногу начал пробовать нас на зуб. Видимо, мы оказались вкусными.

История третья

Йунглюль

«Нимрод» вышел из гиперпространства 17.06.66, 16:18 UT. Маартен Троост в этот момент настраивал биорепликатор, пытаясь синтезировать целиком съедобную куриную ножку.

Во время экспедиций питаться приходится в основном синтезированной едой. На корабле есть камбуз и некоторое количество натуральных продуктов, но большую часть все же составляет пищевая заправка. Малоаппетитная субстанция, содержащая все микронутриенты, необходимые для функционирования человеческого организма. Сама по себе пищевая заправка съедобна не более, чем дрожжи, но биорепликатор может превратить ее в любое кушанье, рецепт которого есть в базе данных.

Иногда в свободное время Троост любил играть с рецептами. Вот куриная ножка. Она съедобна не вся – в ней есть кость, в ней есть жилы… И Троост уже третий час переделывал рецепт так, чтобы эти части тоже стали вкусными.

В конце концов он добился желаемого. Биорепликатор щелкнул и выдал кусок мяса на прожаренном до сухарной твердости хлебце в виде кости. На вид этот предмет ничем не отличался от обычной куриной ножки, но съесть его можно было целиком, без остатка.

Что Троост и сделал.

Тем временем корабль-зверолов подошел к планете и снизил скорость. Обычно Троост связывался с планетарным лесничеством или диспетчером колонии, получал разрешение на посадку и начинал выбирать место для базы. Но в этот раз все обстояло несколько сложнее.

Венерианский зоопарк наконец-то отправил экспедицию на Иннаа.

Этой экспедиции Троост добивался несколько лет. Планета Иннаа входит в список миров с особым статусом – наряду с Проксимой Центавра, Нибиру, Шеолом и другими. Нужно специальное разрешение, чтобы просто посетить ее – а уж высадиться на несколько месяцев с кораблем-звероловом…

Иннаа – одна из семнадцати экзопланет, на которых была найдена разумная жизнь. Само по себе это еще не делает ее уникальной, но у Иннаа есть две отличительных особенности.

Во-первых, это единственный известный мир, кроме Земли, населенный не дикарями. Техническое развитие планеты примерно соответствует земному

восемнадцатому веку. Возможно, даже началу девятнадцатого. Туземцы используют порох и книгопечатание, у них есть станки и паровые машины…

А во-вторых, разумных видов на Иннаа два. И это даже более необычно, чем первая особенность.

Троосту пришлось немало попотеть, но в конце концов он получил разрешение. «Нимроду» позволили совершить посадку на Кхуульме – самом южном материке Иннаа. Он расположен наособицу от остальных материков и почти не заселен, зато имеет богатейшую фауну. Троосту дали четыре месяца, чтобы переправить частичку этой фауны в Венерианский зоопарк.

Но Троосту и этого оказалось недостаточно. Он очень хотел поймать самое, пожалуй, впечатляющее животное планеты Иннаа – йунглюля. Но йунглюль водится не в Кхуульме, а в Линкаоне – наиболее плотно населенном материке. Если Кхуульму можно сравнить с Австралией до прибытия капитана Кука, то Линкаон – это Европа. Большие города, университеты, фабрики, мануфактуры и почти триста миллионов жителей.

Сажать туда корабль-зверолов Троосту строго запретили. Но он сумел-таки найти альтернативный способ получить вожделенное животное. Именно для осуществления этого проекта Троост и летел сейчас на орбитальную научно-исследовательскую станцию.

Нельзя сказать, чтобы Трооста встретили там радостно. У персонала хватало работы и без свалившегося на голову зверолова. Трооста отфутболивали из кабинета в кабинет, из лаборатории в лабораторию. Все втайне надеялись, что он передумает и улетит.

Но он только улыбался и продолжал терпеливо капать всем на мозги.

И его усилия принесли плоды. В конце концов, на станции было всего сто двадцать человек. Когда Троост пошел по второму кругу, его вызвал к себе комендант.

Им оказалась очень молодо выглядящая женщина с модифицированными волосами цвета небесной синевы. Проглядев ее соцпрофиль, Троост узнал, что ее зовут Габи Хауг, ей пятьдесят пять лет, она родилась на Ганимеде и написала

две книги по ксенологии.

– Так вы и есть тот самый Троост? – угрюмо осведомилась она. – Это вы, значит, хотите высадиться прямо посреди Линкаона, чтобы поймать… кого там вы хотите поймать?..

– Йунглюля, – подсказал Троост. – Я слышал, это очень интересное животное.

– И разрешение у вас есть, – хмуро подытожила Хауг. – Ох, но как же вы некстати… Они там, на Земле, совсем с ума сошли – вешать на меня туристов…

– Я не турист, – возразил Троост. – Я зоолог.

– Вот именно, что зоолог. С разумными видами вам доводилось иметь дело? И я не имею в виду людей.

– Ну, в прошлом году я работал на Килиме…

– Подождите-ка, – моргнула Хауг. – Маартен Троост, конечно!.. Так это вы тот зоолог, который открыл килимских волкоглавов?!

– Не могу сказать, что я их открыл, эта честь принадлежит другому человеку… но да, я внес посильный вклад в изучение их повадок.

После этого комендант стала немного благосклоннее. Она принялась повторно просматривать сопроводительную Трооста, а тот в это время осмотрелся в кабинете. Было здесь довольно уютно. Стиль середины двадцать второго века – строгие линии, неброские цвета и легкий привкус авангардизма. Стены окрашены в стальной цвет, два огромных видеокна – из одного открывается вид на египетские пирамиды, за другим возвышается марсианский Олимп.

– Ладно, пойдем вам навстречу, – неохотно согласилась Хауг. – Один костюм у нас как раз свободен – выделим его вам ненадолго. Вы… – она смерила Трооста оценивающим взглядом, – несколько великоваты, я бы сказала. Сколько в вас?..

– Сто девяносто сантиметров.

– Я имела в виду килограммы.

– Сто сорок.

– Великоваты. В пределах допустимого, но на грани. Может, успеете сбросить десяток кило?..

Троост с сомнением взвесил в ладонях свой внушительный живот. Нет, такую благодать в одночасье не сбросишь. Разве что прооперироваться…

– Ладно, попробуем вас впихнуть, – вздохнула Хауг. – Йоалком вам, разумеется, не бывать, а вот на йограна потянете…

Троост задумчиво кивнул. Перед его глазами как раз висели два допреальных изображения разумных видов Иннаа. Йограны и йоалки.

Йограны составляют девяносто семь процентов населения. Трехметровые гуманоиды с иссиня-белой кожей и четырьмя руками. Именно они выполняют всю физическую, да и умственную работу. Йограны трудятся на полях, на заводах, на шахтах. Они строят, пашут, пасут скот, пишут книги и сочиняют музыку. Йограны торгуют. Йограны воюют. Все на планете создано йогранами.

Но есть еще три процента. Йоалки. Удивительно красивые, изящные, утонченные создания с огромными радужными крыльями. И они не делают ничего общественно полезного. Йоалки – правящая аристократия. Все свое время они проводят в балах, пирах, играх, охоте и беспорядочном сексе. Даже самому нищему йоалку служит не меньше двух йогранов.

– Я правильно понимаю, что контакта с ними до сих пор не было? – уточнил Троост.

– Разумеется, – пожала плечами Хауг. – Вы же в курсе, что у Иннаа особый статус. Общение с туземцами без маскировки запрещено.

– Почему?

– Потому что они уже достаточно развиты, чтобы понять, кто мы такие и откуда явились. С первобытными проще – там каждое племя само по себе, память у них короткая, информация передается только изустно, никто ничего не документирует. Если одно из племен навестят «боги», – изобразила пальцами кавычки Хауг, – на общем развитии цивилизации это почти не скажется. Разве что мифология пополнится новой легендой. А здесь… если мы вступим с ними в контакт, это изменит весь ход истории. И мы пока не уверены, пойдет ли им это на пользу или во вред.

– Понимаю. Нелегко брать ответственность за судьбу целой планеты.

– Именно. Слишком рискованно. Поэтому мы не имеем права вступать с ними в контакт. Мы даже эту станцию постоянно держим в готовности – если вдруг что, снимемся и уйдем к соседней планете.

– Сомневаюсь, что они в ближайшие годы смогут выйти в космос, – заметил Троост.

– В космос вряд ли, конечно. А вот астрономия у них сейчас развивается бурными темпами. Пока еще их телескопы недостаточно мощны, чтобы нас разглядеть, но лет через десять – пятнадцать… кто знает? Кстати, эпоха географических открытий у них тоже идет полным ходом, так что вы не мешкайте. Если вдруг к берегам Кхуульмы пристанет какой-нибудь местный Тасман, вам придется сразу сворачиваться, ясно? И всегда присматривайте за небом – йоалки умеют летать.

– Разумеется, – не стал спорить Троост. – Но все-таки насчет йунглюля…

– Ох, какой же вы настырный… – поморщилась Хауг. – Да, у нас найдется для вас экзоскелет. На ваше счастье, один сейчас как раз свободен, так что мы позволим вам немного поработать. Но только чтобы одна нога здесь, а другая там, ясно? Поймаете своего йунглюля…

– Мне нужно минимум шесть разнополых экземпляров.

Комендант закатила глаза, явно не понимая, кому и зачем может понадобиться шесть йунглюлей. Но спорить не стала.

– Отправляйтесь в транзитную, – велела она. – Там вас переоденут и спустят вниз. И учтите, что я даю вам только пять… ну хорошо, шесть дней. После этого экзоскелет понадобится другому. Успеете, не успеете – ваши проблемы.

В транзитной Трооста раздели догола, обработали кучей дезинфектантов и долго ругались на его лишний вес. На планету отправляли в основном дронов – как автономных, так и на дистанционном управлении. Немногочисленных живых наблюдателей маскировали под йогранов – а те хоть и значительно крупнее людей, но отнюдь не на порядок.

В конце концов Трооста все же удалось запихнуть в биотический экзоскелет, но далось это нелегко. Пришлось немного расставить перегородки и добавить лишние порции эластогеля, так что туземец получился весьма крупный. Такие йограны тоже встречаются, но Троост все равно будет выделяться из толпы.

Вот что его действительно огорчило – необходимость укоротить бороду. Сбривать целиком не стали, но все же добрых пять сантиметров отстригли.

На какие только жертвы не приходится идти ради редкого животного…

– Мы бы использовали голографизаторы, но туземцев таким образом не проведешь – у них очень чувствительное обоняние, – пояснял риггер[1 - Риггер – специалист по укладке, обслуживанию и ремонту парашютов. В двадцать пятом веке это слово также означает специалиста по обслуживанию скафандров и экзоскелетов.], облачая Трооста. – А этот экзоскелет создан на основе их же ДНК и пахнет почти так же, как они.

– Почти?..

– Стопроцентного сходства добиться не удалось, но это не страшно. Разные племена йогранов так же различаются по аромату, как люди – по оттенку кожи и чертам лица. Мы просто выдаем себя за иностранцев из далеких стран.

– Разумно.

Троост попробовал пошевелить руками и ногами. Экзоскелет откликнулся на мышечные усилия и с легким чваканьем зашагал по металлическому полу.

Ступни йогранов оказались покрыты какой-то липкой субстанцией.

Орудовать нижними руками удалось не сразу. В человеческом теле нет подходящих мышц, так что приходилось использовать прямое управление. Троост быстро научился опускать нижние руки, поднимать, шевелить пальцами, сжимать кулаки, но все равно они двигались как-то неестественно. Словно частично парализованные.

– Не очень жмет? – спросил риггер. – Мочеприемник нормально совпал? Мы их все еще совершенствуем. Очень молодая технология – только в прошлом году окончательно довели до ума. В действующем состоянии сейчас всего три таких.

– А почему вы не используете биороботов? – спросил Троост.

– Раньше использовали. У нас было три биоробота-разведчика, но все они… кхм… погибли.

– Как именно?

– Первый отравился. Второго убили разбойники. А третьего подвергли… насильственной кремации.

– За что?

– Он по незнанию нарушил один из местных законов. Его казнили прежде, чем мы успели вмешаться… и когда туземцы увидели, что у него внутри… скажем так, это вызвало нездоровую сенсацию. Мы, к сожалению, не очень хорошо знакомы с анатомией туземцев – у них принято кремировать покойников, так что заполучить неповрежденное тело довольно сложно.

– Что ж, постараюсь избегать насильственной кремации, – произнес Троост. – Если не секрет, какой именно закон нарушил тот разведчик?

– Мы и сами толком не поняли. Он что-то не так сказал йоалку. Мы несколько раз просматривали видеозапись инцидента, но так и не заметили ничего предосудительного. Обычная беседа на нейтральные темы.

– Однако туземцев эта беседа возмутила до такой степени, что они казнили одного из участников? – удивился Троост.

– Вот именно. Поэтому учтите – с йоалками ни в коем случае не спорить, не ссориться и лучше даже не разговаривать без крайней необходимости. На Иннаа они – высшая каста. Абсолютно неприкосновенны. Если йоалк убьет йограна, его всего лишь оштрафуют. Если йогран оскорбит йоалка, его казнят самым мучительным способом.

– Лучше б я тогда замаскировался под йоалка, – хмыкнул Троост.

– Они весят всего тридцать-сорок килограммов, так что это невозможно.

– А сколько весит йогран?

– От трехсот до пятисот килограммов.

В инф Трооста постоянно подгружались все новые данные. Риггер объяснил, что инфосеть на поверхности работает только по ограниченному каналу, поэтому все важное лучше держать непосредственно на мыслечипе. Троост получил уйму географических сведений, гораздо меньше исторических и культурологических и совсем мало биологических – а они-то как раз интересовали его больше всего.

– Местную пищу ешьте осторожно. Вот список продуктов, точно не вредных для человека, – комментировал риггер. – Прочее – на свой страх и риск.

– Не очень длинный список, – посетовал Троост. – Можно мне анализатор?

– Нет. Никаких приборов, кроме встроенных в экзоскелет. Да вам их и держать негде будет.

– Я заметил.

Одежда на Иннаа не получила распространения. Йограны холоднокровны, их шкура по жесткости и прочности не уступает крокодильей, а украшать тела они предпочитают цветными татуировками. Вещи носят не в карманах, а просто в руках – благо оных целых четыре. Также они используют собственную слюну в

качестве клея, прилепляя мелкие вещицы прямо к коже.

Последним в инф загрузились файлы для электронного переводчика. Три туземных языка.

– У вас будет очень сильный акцент и не слишком правильная расстановка слов, так что по легенде вы иностранец из дальних краев, плохо знающий язык, – инструктировал риггер. – Постарайтесь говорить поменьше. К тому же у вас чхьеен – это такая местная болезнь, при которой закладывает дыхательные пути.

– А это еще зачем? – удивился Троост.

– На тот случай, если попросят что-нибудь прочитать.

– Не совсем вас понял.

– Понимаете, устных языков у йогранов не меньше, чем было у нас до перехода на всеземной. Мы расшифровали и перевели семь наиболее распространенных. Но вот письменность… с письменностью сложнее. Йограны используют пахучее письмо. Выращивают одно растение с губчатыми стеблями, потом эти стебли высушивают и «пишут» на них. Они умеют выделять особый пахучий секрет. Его наносят на стебель, а затем «читают», пробегаясь по стеблю жвалами.

– И расшифровать не получается? – усомнился Троост. – Неужели он настолько сложный?

– Расшифровать-то было как раз несложно. Они могут использовать всего два знака – «запах есть» и «запаха нет»…

– Позвольте вас перебить. Азбука Морзе?

– Угадали. Письменность Иннаа – это пахучая азбука Морзе. В большинстве языков Иннаа используется тридцать символов – два однозначных, четыре двузначных, восемь трехзначных и шестнадцать четырехзначных. И вот читать эти тексты… нет, технически мы можем их читать, используя аромасканер, но… он выдает в основном белиберду. Понимаете, эти стебли довольно тонкие, и на

каждом несметное количество пахучих сигналов. Целый роман помещается. Представляете, насколько микроскопические там «буквы»? Йограны читают свободно, а вот сканер распознает текст с жутким количеством огрехов. Все сливается в кашу. Мы его понемногу совершенствуем, так что детские стебли он уже более-менее читает… там «шрифт» более пахучий и «буквы» крупнее…

Троост принял информацию к сведению, но про себя подумал, что ему это все равно ни к чему. Он же зоолог, а не культуролог. Он охотится за редкими животными, а не за редкими инкунабулами.

Животные обычно неграмотны.

Трооста высадили на планету глубокой ночью. Флаер приземлился посреди чистого поля, пятью километрами восточнее маленького городка. Севернее темнела стена леса – именно там и водятся йунглюли. Это животное не назовешь распространенным, а поскольку йоалки обожают на него охотиться, со временем оно может вообще вымереть. Именно поэтому Троост так спешил отловить несколько экземпляров.

Уже издалека было видно, что в этом городе живут не люди. И дело даже не в том, что здания были раза в два больше. Город окружал крепостной… бордюр. Длинная каменная линия высотой примерно в сорок сантиметров.

Поначалу Троост не мог понять, зачем это нужно. Но потом смекнул. Йоалки умеют летать, так что от них никакой стеной не загородишься. А йограны… изучив ноги своего экзоскелета, Троост окончательно убедился, что йограну такой бордюр не преодолеть.

У этих четырехруких великанов нет ни локтей, ни коленей. Их ноги и руки изгибаются подобно резиновым трубам. И слишком высоко поднимать ноги они не могут. Если даже йогран ухитрится перенести ногу через бордюр, он потеряет равновесие. Чтобы перебраться через это пустяковое препятствие, ему придется буквально упасть на него и скатиться с другой стороны.

Хорошо, что в экзоскелете Трооста был автопилот, обеспечивающий правильное движение. Сам бы он и за неделю не научился передвигаться по-йогрански. Эти неуклюжие создания не могут ни сидеть, ни лежать. Точнее, лежать йограны могут, но только если упадут. А встать без посторонней помощи йограну так же

сложно, как человеку – пробежаться на руках.

Теперь Троост понял, почему ступни у йограна такие липкие. Большую часть жизни они проводят на ногах. Спят тоже стоя, как лошади и слоны. Двуногому существу не так-то просто сохранять во сне вертикальное положение – вот на помощь и приходят «липучки».

Сообразив, что следующие шесть дней ему и самому придется спать стоя, Троост немного приуныл. Дышалось в экзоскелете нормально, климат-контролер работал отлично, тело не испытывало дискомфорта… но это сейчас.

При входе в город Трооста долго мурыжили. Потребовали предъявить документы и заплатить входную пошлину. Для землянина двадцать пятого века это звучало жутким анахронизмом.

Хорошо, что паспорта йогранов не были пахучими травинками, как книги. Подделать такой документ с абсолютной достоверностью было бы непросто даже молекулярному репликатору. Малейший огрех – и арестуют как иностранного шпиона.

Зато медный жетон размером с ладонь земная техника подделала легко. Именно такие штуки в этой стране носят все йограны, попросту ввинчивая их в жесткую кожу на груди. На жетоне выбит королевский герб, а вокруг – кольцо точек с промежутками, означающее имя. Изобразительная форма письменности Иннаа.

Документы Трооста вопросов не вызвали. А вот с деньгами оказалось посложнее. В качестве денег йограны использовали… сигареты. Склеенные трубочкой листья местного растения набивались легким наркотическим порошком одного из двадцати трех сортов. Чем дороже сорт, тем ценнее «монета». За самую дорогую можно приобрести целого йооароза – крупную домашнюю скотину.

Троосту выдали с собой целый «портсигар» денег. Как и многие вещи йогранов, деньги-сигареты носились прямо на коже. Лизнул – приклеил. И вот это и вызвало неожиданную проблему – Троост не умел их отклеивать. Сами-то йограны проделывали это с легкостью – филигранное движение шпорой на запястье, и сигарета в руке. У Трооста этот природный инструмент тоже имелся… но он никогда раньше им не пользовался. И удалось это далеко не с первой попытки.

А потом он еще и растерялся, не в силах распознать номинал. На сигаретах не было никаких пометок, никаких обозначений. Единственное отличие – запах. Йогран в принципе не может их перепутать, как человек не может перепутать золото и серебро.

К счастью, Троост вспомнил о своем «недуге».

– У меня чхьеен, – виновато произнес он, протягивая привратникам сигареты на ладони.

Те внимательно посмотрели сначала на него, потом друг на друга. Троост готов был поспорить, что сейчас они размышляют, не околпачить ли этого чужеземного простофилю. Он ведь не узнает, какую сумму они у него заберут…

Но по лицам этих инопланетян ничего нельзя было прочитать. Разумеется, у йогранов тоже есть своя мимика, но человеку она ничего не говорит. Три четверти лица йограна – это пасть с тремя парами жвал разного размера. Их рот выполняет уйму функций – это и отверстие для приема пищи, и речевой аппарат, и дыхательный, и орган обоняния, и производитель клейкой слюны, и даже письменная принадлежность…

Наконец один из привратников сграбастал три сигареты и махнул Троосту – проходи. Обернувшись, он увидел, как йограны о чем-то препираются – не иначе о том, как разделить добычу.

Все-таки интересно, сколько же они у него взяли? Анализатор бы…

Городишко Троосту достался невзрачный, грязненький. Зелени на улицах почти нет, дома в основном одноэтажные, скверно выстроенные. Йограны почти всегда живут на первом этаже – при их устройстве ног подъем или спуск по лестнице сродни гимнастическому упражнению. Гораздо чаще они используют пандусы.

Зато йоалки предпочитают именно верхние этажи. Троост уже видел, как эти крылатые создания влетают или вылетают из распахнутых настежь окон. Удивительно красивые существа. Очень хрупкие, очень изящные. Почти вдвое меньше йогранов и раз в десять легче.

Йоалки тоже обладали шестью конечностями, но на этом их сходство с йогранами заканчивалось. Гибкие воздушные тела, огромные радужные крылья, длинный хоботок вместо жвал, вздутые яйцеклады и роскошнейшие, многокрасочные антенны, растущие из затылка и тянущиеся до самых пяток.

За первые пять минут Троосту встретилось несколько десятков йогранов и всего два йоалка. Но сразу было видно, что именно йоалки тут главные. При их приближении йограны сразу сгибались в поклоне, свешивая к земле толстые ручищи. Одного йоалка вообще несли в паланкине – хотя своим ходом он явно долетел бы гораздо быстрее.

Но больше всего Трооста покоробила одна сцена. Двое йоалков вдруг набросились на какого-то йограна. Сначала они кидали в него камнями, а потом и вовсе налетели и принялись пырять шпорами на запястьях. Несчастный великан только глухо постанывал и прикрывался руками. Одного его удара хватило бы, чтобы переломать йоалкам руки и ноги, но он даже не думал сопротивляться.

Это происходило солнечным утром, посреди оживленной улицы, однако никто из прохожих не вмешивался. Все смотрели с полным безразличием.

Троост мог вмешаться. У него было средство самообороны – встроенный в одну из рук стопер и генератор защитного поля. Но то и другое разрешалось применять только при нападении на самого Трооста. И даже в этом случае рекомендовалось воздержаться от агрессии, если нет прямой угрозы для жизни.

Закончилось все тем, что йоалки отняли у йограна какое-то лакомство, похожее на сочную грушу, и тут же вонзили в него свои хоботки. Избитый йогран смиренно согнулся всем телом и попятился, не выказывая ни малейшего недовольства.

Троост вздохнул. Он уже знал, что социальная система Иннаа очень несправедлива, но одно дело знать, а другое – увидеть собственными глазами. Это ведь не сословия и даже не касты, а разные биологические виды. На древней Земле у раба все-таки был шанс освободиться, а простолюдин при удаче мог получить дворянство…

Но йограну никогда не стать йоалком.

И ведь такая система везде, по всей планете! На Иннаа больше сорока государств, и в каждом йограны подчиняются йоалкам. Конкретные условия разнятся – где-то йограны полностью порабощены, где-то просто действует сегрегация, но равноправия между жизнеформами нет нигде.

Однако это их жизнь, и другой они не знают. Может, когда-нибудь йограны и догадаются послать ко всем чертям жирующих паразитов…

Но Троосту от них нужен только йунглюль. А поскольку у него нет ни биоискателя, ни силовых пузырей, ни дронов, придется заручиться помощью туземцев. С местными способами охоты Троост не знаком и за шесть дней вряд ли успеет ознакомиться.

Инф нарисовал перед глазами спутниковую карту городка. Названий улиц не было, но некоторые здания имели пометки. «Ратуша», «тюрьма», «церковь», «пивная»… это последнее Трооста заинтересовало. На этой планете еще не существует ни инфосетей, ни справочных бюро, так что поиски лучше всего начинать с питейного заведения.

В качестве вывески над дверью пивной висела отрубленная голова йооароза. Вместо глаз у него были стеклянные шарики, а на рогах красовались пышные голубые банты.

На Земле подобное украшение было попросту невозможным, но здесь это считалось нормой. Над многими дверьми висели головы животных – йоорозы, жукайи, инкхменги, тваальги… Были домашние, были дикие…

По крайней мере, внутри Троост не обнаружил ничего подобного. Заведение мало отличалось от земных пабов и хойригеров. Длинная стойка, несколько высоких столов, ряды бутылок с разноцветными жидкостями. Вот разве что стульев не было.

За стойкой стояла миниатюрная девушка… или парень. Йограны-самки выглядят точно так же, как йограны-самцы. Друг друга они различают по запаху.

Троосту подумалось, что было бы неплохо встроить в экзоскелет аромасканер. А лучше – анализатор. Решило бы множество проблем.

Впрочем, пол бармена его сейчас не волновал. Троост заказал хтрур, один из немногих местных напитков, которые человек может пить, и даже не без удовольствия. Вкусом хтрур напоминает разбавленный кисловатый сидр и содержит всего два процента алкоголя, но на Иннаа считается чрезвычайно крепким напитком. Когда Троост одним махом влил в себя целых двести миллилитров, жвалы бармена резко разошлись в стороны – то ли от восхищения, то ли от удивления.

Выпив еще стопку и окончательно заслужив уважение бармена, Троост завязал разговор. Прикинулся чудаковатым туристом. Этакий Паганель на отдыхе – приехал издалека, интересуется географией здешних мест, хотел бы найти опытного проводника… возможно, поохотиться…

Конечно, Троост не говорил вслух. Человеческий речевой аппарат просто не смог бы передать йогранское щелканье и свист. Вместо этого он набирал текст с помощью мыслечипа, а программа-переводчик озвучивала его уже на туземном языке. Экзоскелет же шевелил жвалами в такт.

Аналогично осуществлялся и обратный перевод – программа переводила на всеземной и посылала на визор субтитры. В допреальности Трооста из уст бармена вылетали пузыри с текстом – как в двумерных комиксах.

Когда-то такие программы повсеместно использовались и на Земле – с их помощью можно было общаться на любом языке, даже совершенно его не зная. Это теперь в них нет нужды – каждый житель Солнечной Системы свободно говорит на всеземном.

И тем не менее перевод получался шероховатый, а кое-где и вовсе неверный. Например, бармена очень озадачило слово «турист». Туризм на Иннаа еще не успел развиться, подходящего понятия в туземных языках не было, и программа-переводчик заменила его наиболее близким по смыслу. А таковым оказалось слово «паломник». Неудивительно, что бармен не мог понять, зачем паломнику ехать в глухую провинцию и охотиться на диких зверей.

К разговору прислушивались еще два йограна. На взгляд землянина они были совершенно одинаковыми – разве что один немного крупнее, а у другого обломана нижняя правая жвала. По мере того как Троост рассказывал, что очень-очень хочет поохотиться на всяких лесных животных и готов не

поскупиться, они смотрели все пристальнее и пристальнее…

Но тут Троост обмолвился, что особенно ему интересен удивительный местный зверь йунглюль. И все взгляды сразу потухли. Тот, что без жвалы, панибратски сцепил свою шпору со шпорой Трооста и доверительно сказал:

– Хороко, ты оставить эту затею. Охота на йунглюля невозможно. Кто еще – дайте мне знать, и мы будем загоне. Можно инкхменга охотиться, тваальга, когза, уркхоона, хтрора… Но йунглюль невозможно. Это плохо.

– Почему? – удивился Троост.

– Почему, спрашивает он. Почему. Потому что йунглюль – животное йоалков. Только йоалки охотиться на них. И йограны не могут. Мы йограны, хороко. А ты йогран. Ты не можешь. Это плохо.

В первый момент Троост даже не понял, о чем ему толкуют. Очень уж программа-переводчик путалась в предлогах, падежах и склонениях. Да и с интонацией возникали проблемы – вопрос и утверждение в устах йограна звучали совершенно одинаково.

Но уяснить смысл было все же нетрудно. Охота на йунглюлей запрещена. Точнее, ограничена – йоалкам можно, йогранам нельзя. Собственно, ничего удивительного – на средневековой Земле такое тоже встречалось.

– Но я не хочу его убивать, – сделал еще попытку Троост. – Я хочу поймать его живьем. Для моего зоопарка.

– Хороко, ты говоришь, ты очень смешно, – прощелкал второй йогран. – Вы не можете охотиться – или вы не можете убить, или захватить невозможно. И почему вы живете йунглюль? Йунглюль зла, он кусает. Он не дает молока, это не вхаа растет. Зачем? Что такое «зоопарк»?

Троост попробовал объяснить, но сама концепция собранных в одном месте диких животных вызвала у йогранов недоумение. В их стране ничего подобного не было, и они не могли понять, кому и для чего это вообще нужно. Теперь им окончательно стало ясно, что Троост – большой чудак, приехавший из какой-то

очень далекой и очень варварской страны.

Но ловить йунглюля по-прежнему отказывались. Нельзя. Йоалки покарают. Какое наказание положено тут за браконьерство, они не сказали, но явно серьезное.

Туземцы еще раз предложили Троосту поохотиться на кого-нибудь другого. Тваальга или уркхоона. Троост бы и не отказался, будь у него побольше времени.

Но у него в наличии всего шесть дней, и первый уже наполовину прошел.

Обычная экспедиция продолжается столько, сколько потребуется. Иногда два месяца, иногда три, иногда полгода или даже больше. Троост оставался на планете до тех пор, пока не забирал все интересные виды или пока на «Нимроде» было место. Торопиться было некуда.

А вот на этот раз – есть куда. До самого вечера Троост искал того, кто согласится поймать йунглюля или хотя бы проводить Трооста туда, где тот водится. Не соглашался никто.

Никак, мол, невозможно. Запрещено законом.

Понемногу смеркалось. Экзоскелет может сделать инъекцию антигипнотоксина, уменьшающего потребность в сне, но сейчас Троосту это не надо. Охотника или хотя бы проводника у него нет, а идти в лес одному и без снаряжения просто глупо.

Гостиницы в городке не было. Редкие путешественники просто платили пару мелких сигарет и устраивались у стены в пивной. Йограну ведь не нужна постель. В их домах даже нет спален – только огороженные закутки, похожие на лошадиные стойла.

Не совсем ясно, где останавливаются путешествующие йоалки, но Троост не сомневался, что и у них тоже проблем не возникает. Наверное, просто влетают в первый попавшийся дом и велят хозяевам выметаться.

Троост перевел экзоскелет в режим покоя и начал засыпать. Встроенная ИГ-система максимально снизила вес его тела, и он утратил ощущение верха и низа, стал чувствовать себя погруженным в теплый бассейн…

И тут его тряхнули за плечо. Уже почти уснувший Троост возвращался назад трудно, с неохотой. Ему потребовалось почти полминуты, чтобы продрать глаза и сообразить, кто перед ним стоит.

То была бармен. Девушка… или все-таки парень?.. придвинулась вплотную к Троосту и тихо прощелкала:

– Если бы хороко хочет йунглюля, что бы не обратиться за моего аталыка? Он хороший охотник.

Троост ничего не понял и затребовал у инфа справку. Оказалось, что у каждого йограна кроме отца и матери имеются также аталык и аналык. Или попросту приемные родители. Более того, йограны обычно даже не знакомы с настоящими родителями – сразу после рождения их отдают на воспитание дальним родственникам, какому-нибудь четвероюродному дяде. Очень странный обычай, но он принят по всей планете и полагается здесь само собой разумеющимся.

У йоалков с этим попроще. Отложив яйцо, женщина относит его в специальное подземное хранилище и больше к нему не возвращается. Судя по тому, что йоалков-детей земляне ни разу не видели, из яиц они вылупляются уже взрослыми. Семейных отношений йоалки не поддерживают, в браки не вступают, учебой и работой себя не утруждают – ведут абсолютно праздное существование.

Стоп. До наконец-то проснувшегося Трооста дошло – ему дали наводку. Если верить этой девушке, ее аталык знает толк в охоте и не боится нарушать некоторые правила. Надо с ним встретиться. Прямо сейчас или лучше подождать утра?..

– Аталык спит днем, – сказала девушка. – Старый, не любит Дюбка-Дябка. Они хотят поговорить с ним – идти.

Через десять минут Троост стоял у дверей почтенного Скмальдхена Иивро. Лачуга была ветхая, наполовину развалившаяся. Хозяин открыл раньше, чем

инопланетный зверолов успел постучать, и таинственным жестом пригласил его внутрь.

Скмальдхен оказался глубоким стариком. По его виду этого сказать было нельзя – йограны с возрастом почти не меняются, – но дочь упомянула, что ему уже девяносто лет. Для йограна это очень внушительный возраст.

– Йунглюль… – сразу попытался перейти к делу Троост.

– Моя кизлык сказала тебе ко мне обратиться? – перебил Скмальдхен, придирчиво осматривая гостя. – Правильное. Если кто тебе и поможет, то я только. Я йунглюлей ловил. Два. Мясо плохое, но голова красивый. Можно стенка прибить.

– А как насчет живого? И лучше несколько.

– Это трудно, но возможно. Сколько вы платите?

– А сколько вы хотите? – задал встречный вопрос Троост. Он понятия не имел, какие здесь расценки на подобные услуги.

– Десять из самых сильных, – прощелкал Скмальдхен. – Дешевле никто не совершал.

– Идет! – с ходу согласился Троост.

Ему не было нужды торговаться. Для него самого местные деньги-сигареты не имели никакой ценности. Он осторожно отклеил с внутренней стороны левого нижнего плеча ленту, удерживающую двадцать сигарет самого дорогого сорта. Скмальдхен уставился на них, как голодный на пиршество.

– Я заплачу пять прямо сейчас, – заявил Троост. – Аванс. Еще пять – когда у меня будет йунглюль.

– А-а…

– А если у меня будет больше одного йунглюля, я заплачу еще больше. По пять за каждого.

– А-а…

– Денег у меня хватит, не сомневайтесь.

Скмальдхен сомкнул жвалы так, что они едва не сплелись в узел. Видно было, что десять сигарет он заломил с большим запросом и готовился к долгому, изнурительному торгу. Почти наверняка в итоге он бы сбросил половину, если не две трети первичной цены.

Но чудаковатый чужестранец оказался то ли круглым дураком, то ли редким богатеем. И Скмальдхен раздумывал недолго.

– Давай, – прощелкал он, хватая пять сигарет. – Мне нужны были деньги. Похороны.

– Похороны? – нахмурился Троост. – У вас кто-то умер?

– Я собираюсь умереть. Я стар.

– Ну, с этим торопиться не стоит – на тот свет вы всяко не опоздаете…

– Я недавно умерла жена, и я хочу, чтобы присоединиться к нему как можно скорее, – заявил йогран.

Троост оглядел убогое убранство лачуги и вздохнул. Он решил отдать этому старику все деньги, если тот поможет добыть йунглюля.

Хотя даже если не поможет – все равно пусть забирает. Что проку землянину с йогранских сигарет? Даже если б они не содержали смертельную для человека дозу синильной кислоты, на Земле все равно нет курильщиков. Эта привычка и в двадцать четвертом-то веке была очень редким явлением, а к началу двадцать пятого отмерла окончательно.

На охоту они выдвинулись уже этой ночью. Скмальдхен сказал, что днем в лес лучше не соваться – высок риск нарваться на егерей. К тому же лезть на йунглюля всего вдвоем – глупо и рискованно. Обычно его берут вчетвером-впятером.

Причем не йограны, а йоалки. Они выманивают йунглюля из леса, а потом долго летят следом, паля из легких пистолей. В конце концов кто-нибудь делает смертельный выстрел, и на этом охота заканчивается. Тушу йоалки обычно просто бросают, отмечая только успех чашами свежей крови. Йоалки ведь не едят твердую пищу – исключительно жидкости. Молоко, фруктовый сок, кровь животных…

Видно было, что Скмальдхен – охотник опытный, бывалый. В ночном лесу он ориентировался так же, как в собственной хибаре. Йограны – сама противоположность слову «ловкость», но этот старик двигался довольно-таки изящно и практически бесшумно. Вот Троост даже с ночным зрением то и дело хрустел сухими ветками и опавшими листьями – в этих широтах стояла уже поздняя осень.

Оба охотника тащили тяжелые тюки. Скмальдхен не один час провел в своей кладовой, перебирая силки и капканы. Он предложил Троосту несколько способов поймать йунглюля, но все они предусматривали травмирование добычи. Троост заявил, что животное ему нужно целое и невредимое, без сломанных костей и оторванных конечностей.

Тогда Скмальдхен сказал, что знает только один надежный и быстрый способ взять йунглюля без единой царапины. Звероловная яма. Троост одобрил это решение, и они вдвоем стали продумывать конструкцию ловушки. Нужна хорошая приманка, нужна тщательная маскировка. Настил должен быть достаточно прочен, чтобы выдержать более мелких животных, но сразу же провалиться под йунглюлем.

Скмальдхен указал Троосту охотничью тропу йунглюлей и долго ковырялся в следах и помете, прикидывая, как давно здесь ходили. Найдя подходящее место, он сбросил с плеч тюк, достал лопату и принялся копать. Троост к нему присоединился.

До самого рассвета они рыли яму, пока та не достигла пятиметровой глубины. После этого сверху установили жерди, прикрыли их дерюгой и засыпали сверху листьями.

Среди листьев Скмальдхен положил несколько кусков серой, скверно пахнущей массы. То было мясо йооароза – но не простое, а выдержанное несколько месяцев в специальном мешке под землей. Сплошной трупный яд, но йограны и йунглюли это обожают. На кончиках жвал Скмальдхена даже выделились капельки пищеварительного сока – так вкусно пахла для него эта тухлятина.

Наверняка йунглюль тоже не устоит.

Вернувшись домой, Скмальдхен сказал, что до вечера работы ему нет, и встал спать. Троост же, который все-таки сделал инъекцию антигипнотоксина, отправился на прогулку. Та не заняла много времени – в городке было всего две улицы и несколько переулков. Чтобы исходить их все, хватило пары часов.

Надо сказать, в качестве туристического объекта это место никуда не годилось. Из всех достопримечательностей только старинная ратуша да скромная церковка. От скуки Троост внимательно осмотрел и то и другое.

Правда, из ратуши его быстро выгнали – йогранам не позволяли шататься там без дела.

Хотя все служащие сами были йогранами. Бургомистр и тот йогран. Йоалки гнушаются любой работой – даже такой почетной.

Троост сверился с инфом – на королевском троне сидит все-таки йоалк, но он исполняет чисто парадные функции, а реальным управлением занимаются министры-йограны. Главная и в общем-то единственная обязанность королевской четы – производство наследников.

На улицах Троост почти не встречался с йоалками. Их было значительно меньше, чем йогранов, и они предпочитали воздушные просторы. Временами над головой проносились эти красочные фигуры с огромными крыльями, но вниз они спускались редко.

Во всем городе по земле передвигался только один йоалк – Прекрасноликий Сурреа. Именно его Троост вчера видел в паланкине. Оказалось, что у него травмировано крыло и летать он не может. И ходить самостоятельно тоже не может, как и все йоалки. У них чрезвычайно слабые конечности, так что ползают они на всех шести, да и то очень медленно.

Вечером за Троостом зашел Скмальдхен. Ожидая его, землянин стоял в пивной и тоскливо смотрел на кашу из блака. Один из немногих йогранских продуктов, что съедобны для человека и не вызывают тошноты. Хотя вкус у этого корнеплода оставляет желать лучшего – просто блеклая водянистая масса, похожая на вареную репу.

Скмальдхен же, у которого теперь водились деньжата, велел подать себе блюдо от шефа – скнек. Туда тоже входил блак, но только в качестве гарнира. Основным же лакомством являлся огромный кусок тухлого мяса, кишащий живыми личинками и украшенный корнями чхмаальхи. Эти корни так насыщены синильной кислотой, что человек умрет, съев всего полтора грамма. Даже модифицированный желудок Трооста не справится с такой отравой.

Троост пытался уговорить повара приготовить неферментированное мясо, но только упрочил свою репутацию безумца. Примерно так на Земле отнеслись бы к желанию съесть курицу сырьем – с кожей, костями и перьями.

В лес Троост и Скмальдхен пошли, когда уже совсем стемнело. Вначале Скмальдхен навестил вчерашнюю ловушку. Она была нетронутой, но Скмальдхен, изучив следы вокруг, остался доволен. Мол, йунглюль приходил, нюхал приваду, но близко не подошел, проявил осторожность.

Ничего, завтра он вернется. Убедится, что здесь безопасно, и вернется. А пока что можно выкопать еще пару ям – дорогому гостю ведь нужно несколько йунглюлей, так?

Троост, разумеется, одобрил такое решение. Вообще, они со Скмальдхеном все лучше понимали друг друга. Старый охотник не переставал подсмеиваться над ужасным акцентом Трооста и тем, как он коверкает слова, но делал это очень дружелюбно. Троост же проникся глубоким уважением к своему коллеге-йограну и охотно взял бы его в команду «Нимрода», не будь это запрещено правилами.

Точно так же прошла и третья ночь – сначала обход старых ловушек, потом рытье новых. Троост начал немного беспокоиться – истекло уже больше половины отпущенного срока. Габи Хауг вызывала его каждый день, требовала отчета и напоминала, что часы тикают.

Сегодня двести шестьдесят второе число (йограны не делят год на месяцы), а двести шестьдесят пятого начнется Цветной Турнир Штвахцгаана – грандиозные игры, проходящие раз в четыре года. Удивительно красочное сражение-спектакль, в котором участвуют лучшие воздушные бойцы. Марио Беллини, заслуженный культуролог и спортивный историк, уже три месяца сидит на станции, желая лично посетить этот турнир. Так что послезавтра биотический экзоскелет придется освободить.

Троост напомнил, что есть еще два, но в ответ услышал, что они заняты гораздо более важными вещами. Агент Марк Венедиг уже почти полгода гостит при дворе величайшего из королей Иннаа, а агент Чэнь И второй месяц подвизается в Конфессиалии – древнем храмово-монастырском комплексе, хранящем крупнейшую на Иннаа библиотеку. Они никак не могут в ближайшие дни освободить свои экзоскелеты – а вот Маартен Троост может и должен.

Скмальдхен заверил Трооста, что уж сегодня-то яма обязательно будет полна йунглюлей. Они обычно не осторожничают так сильно, это просто звезды неудачно расположились. Вон же, Лихау в Крюке, а Йоксоогль на коленях Великана. Ясное предзнаменование того, что осень будет сначала студеная, но потом теплая, а дичь поначалу будет кокетничать, но потом пойдет в сеть как ручная.

Троост согласился, что причина в этом. А сегодня им непременно повезет.

И им действительно повезло. Уже за сотню метров стало ясно, что в яме сидит живой, крупный и ужасно недовольный йунглюль. О своем недовольстве он громогласно извещал всю округу.

Троост проверил, работает ли встроенный стопер. Конечно, его запрещено применять без крайней необходимости, но в случае с йунглюлем необходимость вполне может возникнуть. Зверь это не особенно дружелюбный.

К краю ямы звероловы подходили осторожно. Еще осторожнее заглянули внутрь. Йунглюль, обрадовавшись, что хоть кто-то пришел, издал хриплый вой и попытался выпрыгнуть. У него не получилось, и он тут же громко об этом сообщил.

– Матерый самец, – довольно объявил Скмальдхен. – Очень большой.

Троост уже разворачивал сеть. Предстоит непростая работа – спутать этого огромного зверя и вытащить на поверхность, не став жертвой его когтей. Причем сделать все это нужно в громоздком и неудобном экзоскелете.

Но тут послышалось хлопанье крыльев. С вершин деревьев спустились сразу четыре йоалка. Их хоботки были туго скручены, а лапы мелко дергались – признаки сильнейшего гнева, как сообщил Троосту инф. Скмальдхен сразу согнулся в поклоне, и Троост последовал его примеру.

– Ой, дурень, я просто знал, что это был ты! – пронзительно защелкал один из йоалков. – Так и знал!

– Ристоли… я… – растерянно пробормотал Скмальдхен.

– Вы всех нахальнее, скажу я вам! Как часто говорят, что вы не сталкиваетесь со мной здесь? Если вы делаете это снова? Как только вы поднимаетесь в лес? Все, что вы не получаете дурень, на этот раз предупреждение!

– Ристоли, но я не для себя, я…

– Заткнись! Уйди, дурень! Лучше умереть уже!

Троост еле успевал читать субтитры – так быстро тараторили эти двое. А перевод получался настолько приблизительным, что половина смысла просто ускользала.

Ясно одно – йоалки ужасно возмущены, что наткнулись на браконьеров, и теперь у них со Скмальдхеном большие неприятности.

– Ристоли, пожалуйста, пойдем… – жалобно просил Скмальдхен.

Троост удивился такой просьбе, но тут же сообразил, что это опять переводчик опростоволосился. Скмальдхен конечно же сказал не «пойдем», а «позволь нам уйти» или «отпусти нас».

Минут пять йоалки спорили. Переводчик не мог разобрать их приглушенное щелканье, но звучало оно не слишком доброжелательно.

Надежду давало лишь то, что один из них знаком со Скмальдхеном. Сложно сказать, что может связывать высокомерного аристократа-йоалка и нищего охотника-йограна, но что-то явно связывает.

В конце концов йоалки все же смилостивились. Они приказали браконьерам убираться подобру-поздорову и радоваться, что их не отправляют за решетку. Конечно, о пойманном йунглюле пришлось забыть… хотя интересно, что теперь йоалки с ним сделают? Вытащить из ямы своими силами точно не смогут…

– Завтра, хороко, – прошептал Скмальдхен Троосту. – Я клянусь тебе – завтра у нас будет йунглюль. Завтра мы пойдем и пройдем мимо йоалков… я знаю одну хороший дорога… Очень хороший… а-а… а-а…

Он вдруг покачнулся и начал оседать. Троост пытался удержать старого охотника, но тот буквально растекся по земле. Руки и ноги бедняги словно превратились в вареные макаронины.

Йоалки этим очень заинтересовались. Они тут же подлетели, повисли вокруг, часто хлопая крыльями, и оживленно загомонили. Особенно весел был тот, которого звали Ристоли.

– Умирает, умирает! – весело щелкали йоалки.

– Сейчас умрет, смотри!

– Не, еще не сейчас!

– Давай, умирай скорее!

У Трооста дернулась рука. Эта сцена выглядела просто отвратительно. Йоалки даже не пытались помочь страдающему старику – наоборот, они явно радовались. Их потешало, как он корчится.

Троост же понятия не имел, что делать. Инф по этому поводу молчал – земляне собрали еще очень мало сведений о физиологии йогранов и почти ничего не знали об их болезнях. Что вообще происходит? Инфаркт? Инсульт? Эпилепсия? Скмальдхен очень стар – может, просто пришел его час?

От йоалков помощи ждать не приходилось. Они… смеялись. Стараясь не глядеть в их сторону, Троост подхватил трясущегося охотника под руки и поволок по тропе. Он надеялся, что успеет найти кого-нибудь, кто сможет, а главное – захочет помочь.

Но он не успел. К тому времени, когда Троост достиг городских ворот, Скмальдхен уже не дышал.

И все, кого он встречал, отнеслись к этому равнодушно. Городская стража лишь велела проходить быстрее, не задерживаться. Редкие ночные прохожие только лениво скользили взглядами. И даже дочь Скмальдхена!.. даже родная… хотя приемная, но это не важно. Когда Троост сообщил ей о произошедшем и принес свои соболезнования, она только пожала плечами.

– Со всеми однажды это произойдет, – сказала девушка и попросила помочь перенести отца в его дом.

Никакой скорби, никакой печали – даже легкого огорчения незаметно.

Троост уже знал, что семейные отношения йогранов мало похожи на человеческие. Браки заключаются по договоренности, своих детей йограны отдают в чужие семьи, а сами воспитывают приемных. И все же такая черствость его покоробила.

К тому моменту, когда Троост и дочь Скмальдхена принесли покойного домой, тот успел окоченеть и даже высохнуть. Словно египетская мумия. Дочь велела положить тело в кладовую – холодную комнату без единого окна – и ушла, сказав, что завтра состоится кремация.

А Троост остался. Он сидел в темноте, переключив зрение на инфракрасное, смотрел на мертвого йограна и думал, насколько же все-таки переменчива судьба. Вот еще только что все было хорошо – и вот уже все хуже некуда. Йунглюля нет и уже явно не будет. Проводник внезапно умер. Послезавтра надо сдавать экзоскелет… хотя уже завтра.

Тут как раз напомнила о себе и комендант станции. На визоре Трооста появилось ее лицо, и недовольный голос известил:

– Троост, у вас заканчивается время. Вы поймали свое животное?

– Нет. И вряд ли поймаю. У меня тут форс-мажор… мой проводник скончался.

– Что?! Что случилось, Троост?! Надеюсь, вы не имеете к этому отношения?! Правила…

– Естественная смерть, насколько я могу судить, – перебил Троост. – Просто старость.

– Тогда ладно, – мгновенно успокоилась Хауг. – Если вас больше ничего не держит, возвращайтесь. Беллини тут совсем испереживался.

– Вы же обещали мне шесть дней, – напомнил Троост. – У меня есть еще сутки.

– Вы же сами сказали, что уже не успеете.

– Тогда я хотя бы провожу этого че… йограна.

– Что вам до него? – удивилась Хауг.

– Он был моим коллегой.

Этот аргумент Хауг поняла и приняла. Она согласилась подождать еще сутки. Но завтра на рассвете Троост и его экзоскелет должны быть в транзитной – иначе она подаст рапорт о злоупотреблении межведомственной услугой.

Снаружи забрезжил рассвет, а у Трооста забурчало в животе. Он решил, что не произойдет ничего страшного, если он немного пошарит в кладовой. Все равно хозяину ее содержимое уже не пригодится. Скмальдхен жил бобылем, а из родни у него осталась лишь приемная дочь, которой вряд ли нужны эти объедки.

Холодильников на Иннаа еще не изобрели. Возможно, что никогда и не изобретут – в представлениях йогранов пища в принципе не способна испортиться. Более того – чем дольше она пролежит, тем вкуснее станет. Когда Троост открыл кладовую, оттуда шибануло таким духом, что он почувствовал даже сквозь носовые фильтры. Хорошо выдержанное мясо, гнилые фрукты, почти целиком состоящий из плесени сыр…

Съедобным оказался только блак – и то лишь потому, что его срок годности практически неограничен. Троост нарезал его мелкими ломтиками и бросил на сковороду. В жареном виде этот корнеплод немного вкуснее, чем в вареном.

Еще в кладовой нашелся кусочек почти свежего сала. Есть его Троост не рискнул, но смазать сковороду все же осмелился. Очень скоро блак начал аппетитно потрескивать.

И тут раздался еще какой-то треск. Донесся из комнаты, где лежал мертвый Скмальдхен. Троост никогда не был суеверным и мало чего боялся в жизни, но сейчас ему резко вспомнился фильм «Не заглядывай в подвал». Там так и не показали, что же в этом подвале скрывается, но атмосферу липкого ужаса создали превосходно.

Наверное, правильно, что не показали. Маартен Троост в своих экспедициях видел столько монстров, что вряд ли еще один сумел бы его впечатлить. Он охотился на вампира-падальщика, Руку Уильямса, сизое покрывало и перекатчика. Ни один из них не напугал его так, как та запертая подвальная дверь, в которую что-то тихо скреблось…

Известно же, что ожидание монстра всегда страшнее самого монстра.

Мысли Трооста прервал новый треск. Постаравшись больше не думать о всяких дурацких фильмах, зверолов открыл дверь… и замер на пороге. Лежащий на столе покойник… шевелился.

Скорее всего, это трупные газы. Скмальдхен никак не может быть жив – он же успел мумифицироваться. Медленно и осторожно Троост подошел поближе, и тут тело… треснуло!

Оно раскрылось точно посередине. Грудь и живот разошлись в стороны, и оттуда показались вялые тоненькие лапки. За ними последовала мокрая голова с туго скрученным хоботком… смятые, влажные крылья…

Прямо на глазах Трооста из мертвого йограна вылез… йоалк.

Усевшись прямо на трупе, он повертел головой, протер огромные глазищи и ужасно обрадовался, увидев Трооста.

– О-о, хороко, и ты здесь! – весело прощелкал йоалк. – Спасибо, что подождал! Так что, идем сегодня на охоту?

– На охоту?.. – переспросил Троост.

– На охоту, да! Теперь мне можно охотиться на йунглюля – никто не помешать! Дай мне только время очистка от слизи!

Но он не успел толком очиститься. Дверь резко распахнулась, и в лачугу влетел еще один йоалк. При виде него Скмальдхен оживился, затрепетал еще влажными крыльями, а его хоботок резко распрямился и затвердел.

– Здравствуй, Ристоли! – восторженно защелкал он.

– Что так долго не умирал, дурень?! – набросилась на него… жена?.. – Я уже думала, что не дождусь! Пошли скорей делать детей! А ты пошел вон, йогран вонючий!

– Ничего, хороко, – пообещал Скмальдхен перед тем, как выставить Трооста за дверь. – Я обещаю вам, сегодня у вас будет много йунглюлей.

Габи Хауг еще раз внимательно посмотрела на Маартена Трооста. Зверолов по-прежнему весело улыбался в бороду. Выглядел он предовольным.

– Итак, правильно ли я поняла… – медленно произнесла комендант. – На этой планете нет двух разумных видов?

– Нет, только один. Просто личиночная форма разительно отличается от взрослой особи.

– Выходит, йограны…

– Нимфы. Лишенные половых признаков и совершенно бесплодные.

– А йоалки…

– Имаго. Йогран живет восемьдесят-девяносто лет, после чего в буквальном смысле умирает, а из трупа вылупляется йоалк. Йоалк живет всего лишь четыре-пять лет, на протяжении которых непрерывно ест, пьет, развлекается и откладывает яйца, из которых через пять-шесть лет вылупляются йограны. Увидеть своих детей йоалки обычно уже не успевают…

Хауг вздохнула. Планета Иннаа только что лишилась половины своей уникальности.

– Ладно, покажите мне ваших йунглюлей, – попросила комендант. – Узнаю хоть, из-за чего был весь сыр-бор.

Троост охотно показал. Сидящие в силовых пузырях йунглюли посмотрели на Хауг с явным презрением – и та ответила им взаимностью.

– Я ожидала большего, – констатировала она. – Это обычные львы, только зеленые и с шестью лапами.

Троост пожал плечами. Внешность – не самая главная вещь для зоолога.

– Кстати, сколько вы поймали? – спросила Хауг.

– Троих. Самца и самку с детенышем.

– И вам хватит?

– Маловато, – согласился Троост. – Но Скмальдхен обещал мне поймать еще несколько экземпляров. Я же все равно пробуду на планете еще минимум четыре месяца. Если не возражаете, в конце экспедиции я еще раз позаимствую экзоскелет…

– Нет, – отказала Хауг. – Простите, но нет. Когда Беллини его освободит, я спущусь туда сама.

– Зачем? – удивился Троост.

– Мне что-то тоже захотелось поохотиться на йунглюля.

История четвертая

Случай в зоопарке

– Доброе утро, Маартен. Сегодня суббота, двадцать седьмое ноября две тысячи четыреста шестьдесят шестого года, четырнадцать часов сорок восемь минут универсального времени.

Троост резко открыл глаза. Надо же, уже почти три часа дня!

Потом он вспомнил, что находится в космосе, где время суток – чистой воды условность. На планетах два времени – местное и универсальное, – а на кораблях и станциях только универсальное. И особого внимания на него никто не обращает.

Какая вообще разница, который час? В космосе солнце не восходит и не заходит. Значение имеют только биологические часы – и у Маартена Трооста они сейчас показывают раннее утро.

Он отдал мысленную команду, и силовой гамак плавно опустился на пол. Гравитация медленно увеличилась с 0,21 до 0,95 g, Троост поднялся на ноги и от души потянулся. С белоснежной стены ему улыбнулась очаровательная темноволосая женщина – виртуальный секретарь. Последние несколько дней Троост использовал лице-голосовую схему «Коби Смолдерс»… кажется, это какая-то очень старая кинозвезда. Из двадцать первого или даже двадцатого века.

– Надеюсь, вам снились хорошие сны, – мягко произнес виртуальный секретарь. – Напоминаю, что на сегодня у вас запланировано продление профессиональной лицензии и встреча с Эльзой.

Троост машинально кивнул, забираясь в гигиенкомплекс. Процедура проходила так же, как всегда. Шестьдесят секунд гидроструйной очистки, тридцать антисептической и двадцать пять ультразвуковой. Промывание носа и ушей, чистка зубов и полости рта. Робоцирюльник быстро и сноровисто расчесал Троосту волосы и бороду, а микромассажер пробежался по всему телу, стимулируя и разминая мышцы.

В общей сложности весь процесс занял три с половиной минуты.

Еще полминуты Троост потратил на то, чтобы закапать в глаза «жидкий монитор». Микроконтактная «умная» пленка быстро растеклась по глазным яблокам, и допреальность расцвела новыми красками.

«Жидкий монитор» нужно обновлять хотя бы раз в два месяца, иначе на визоре начинают появляться «слепые пятна». Мыслечип по возможности дополняет их… но все равно лучше обновлять.

В видеокне появилась Венера. Троост не очень любил квазипанорамы, поэтому его видеокна всегда стояли в режиме прямого отображения. С тем же успехом это могли быть настоящие прозрачные иллюминаторы, как на древних космических кораблях.

Троост приказал репликатору сделать стандартный завтрак номер шесть и подошел к центральному видеокну. Венера, голубовато-зеленая, выглядела отсюда волшебно. Может, приземлиться, провести пару дней на поверхности, где-нибудь в дремучих лесах Афродиты? Или лучше опуститься на дно,

поплавать в теплом море Гвиневеры?..

Все-таки квартирабль куда удобнее стационарного жилья. В двадцать пятом веке они стали по-настоящему популярны. Все больше людей живет в этих автономных домах-космолетах, способных передвигаться в любой среде – жидкой, газообразной, вакууме… Всякий квартирабль оборудован биорепликатором, медкапсулой, гигиенкомплексом, порт-кабиной, фотосинтезаторами… При желании его можно расширить, добавить дополнительные отсеки и сектора, балкон или открытую палубу, превратить в семейную или даже коммунальную модель.

Впрочем, квартирабль Трооста – стандартное одноместное жилище, классический тип. Формой похож на вытянутое эскимосское иглу, шестнадцать метров в длину, десять в ширину и десять в высоту. Треть объема приходится на корпус и внутренние переборки, треть – двигатель и системы жизнеобеспечения, треть – жилое пространство.

Биорепликатор звякнул, выдавая поднос с завтраком. Троост вооружился вилкой и принялся уминать яичницу с жареным беконом. Отдав мысленную команду, он включил последние новости. Стены наполнились трехмерными изображениями, а за столом появилась допреальная фигура Малины Кэтервуд – самой популярной ведущей последних лет.

– Завершил ходовые испытания сторожевой крейсер «Леонид», – зазвенел голос Малины. – Экипаж звездолета и члены приемной комиссии провели маневренные и скоростные испытания крейсера, проверили работу всех агрегатов, систем и узлов, а также навигационных средств и вооружения. Были выполнены торпедные и лазерные стрельбы по планетарным и космическим целям, отработаны задачи высадки абордажных команд и задачи противокосмической обороны. В ближайшее время крейсер совершит переход к Сатурну на судостроительный завод «Кольцевая верфь», где пройдет второй этап испытаний. Планируется, что в мае – июне «Леонид» войдет в состав флота ОС ЕСС.

Троост поднял бокал с апельсиновым соком, шутливо салютуя юному крейсеру. Ему самому эта новость не слишком интересна, но вот Хаусер наверняка очень рад.

– Состоялось закрытие последней тюрьмы Солнечной Системы, – продолжала Малина. – Напоминаем, что тюремное заключение как средство наказания было окончательно отменено еще в 2414 году, однако оставалось немало заключенных, не отбывших свой срок, поэтому часть тюрем продолжала работать. С каждым годом их число естественным образом убывало, и вот вчера на тюремной станции «Фобос-9» скончался последний из заключенных, Фредерик Булонь, серийный убийца, в 2389 году приговоренный к пожизненному заключению и отсидевший в общей сложности семьдесят восемь лет. В связи с его кончиной «Фобос-9», который в течение последних двух лет обслуживал всего одного заключенного, был закрыт. Госкомитет по юстиции и общественной безопасности сейчас решает, что делать с освободившейся станцией. По всей вероятности, ее либо переоборудуют в музей, либо отправят на переработку.

Троост покачал головой. Еще один музей. Лично он считал, что в Солнечной Системе и так слишком много музеев – этих скучных пылесборников, хранилищ древних черепков. Создается впечатление, что у каждого мало-мальски значимого явления, события или человека имеется свой музей.

Семь лет назад Троост позволил Хаусеру и его жене увлечь себя в турне по музеям великих войн – и боже мой, что это была за тоска! Музей Наполеоновских войн, музей Первой мировой войны, музей Второй мировой войны, музей Первой Холодной войны, музей Второй Холодной войны, музей Тринадцатилетней войны, музей Лунной войны, музей Кибернетических войн, музей Последней войны…

Но в военных музеях все же было и что-то интересное. А что интересного может быть в тюремном музее? Смотреть, как провели последние годы Фредерик Булонь, Ференц Кочиш, Оно Кусуо и другие знаменитые преступники конца прошлого века? Вряд ли их камеры чем-то отличаются от любых других. В какой-нибудь древней тюрьме они хотя бы могли оставить после себя записи на стенах – на «Фобосе-9» это исключено.

Малина рассказала о новостях спорта и культуры, поведала о вернувшемся из восьмимесячной экспедиции корабле-пионере «Тур Хейердал», открывшем новую звездную систему, и наконец перешла к самому интересному:

– Вступило в заключительную фазу строительство солнечного коллектора «Фаэтон». Ожидается, что через полгода он начнет функционировать – хотя первые два года лишь на сорокапроцентной мощности. Напоминаем, что «Фаэтон» расположен на внутримеркурианской орбите и на данный момент

является одним из шести так называемых Великих Проектов. Перейдя к полной функциональности, он возьмет на себя от двадцати пяти до тридцати процентов энергопотребления всей Солнечной Системы.

Троост хмыкнул. В середине двадцать пятого века Великие Проекты стали чем-то вроде «хобби» для всего человечества. У Древнего Египта таким «хобби» были пирамиды, у средневековой Европы – соборы, у Китая – Великая стена… а у современной Земли – циклопические космические постройки.

Солнечный коллектор «Фаэтон», Гигантский Атомарный Терраформатор, астероид-звездолет Мимас, туннельный телепортер Накамуры, Звездный Диахрам и Пояс Венеры. На Великих Проектах работает в общем счете около тридцати миллионов человек. Каждый сотый житель Солнечной Системы.

Кстати, строящийся Пояс Венеры можно наблюдать прямо в видеокне. Орбитальная станция кольцевого типа, искусственное кольцо вокруг Венеры. Поначалу его планировали построить вокруг Земли, но на земной орбите и без того слишком много станций, не говоря уж о Луне. А вот венерианская орбита относительно свободна.

Сиюминутной необходимости в Великих Проектах нет. Лишними они, безусловно, не будут, но все же в первую очередь это задел на будущее. А заодно повод для гордости и память грядущим поколениям. Если человечество вдруг исчезнет – оно исчезнет не бесследно.

Закончив с завтраком, Троост открыл вещевой отсек в стене. Если не считать портативного скафандра и некоторых технических принадлежностей, там был только один предмет одежды – универсальный комбинезон.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Риггер – специалист по укладке, обслуживанию и ремонту парашютов. В двадцать пятом веке это слово также означает специалиста по обслуживанию скафандров и экзоскелетов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rudazov_aleksandr/zverolov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить